
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ

Василія Романовича.

✲

Nicht länger wollen diese Lieder leben,
Als bis ihr Klang ein fühlend Herz erfreut,
Mit schönern Phantasien es umgeben,
Zu höheren Gefühlen es geweiht;
Zur fernen Nachwelt wollen sie nicht schweben,
Sie tönten, sie verhallen in der Zeit!

Schiller.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Декабря 29 дня, 1831 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГИМНАЗІИ

ВЫСШИХЪ НАУКЪ

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

Тебѣ — святилище наукъ —
Питомецъ вдохновенья юный,
Въ златыя ударяя струны,
Свой первый посвящаетъ звукъ!
Такъ, солнца первыми лучами
Колоссъ Мемноновъ озарёнъ,
Звучалъ — и звукъ его, съ вѣками
Переходя изъ устъ племёнъ
Давно погасшихъ въ поколенья
Казался гимнъ благодаренья
Свѣтилу, коимъ освѣщёнъ
Былъ этотъ Царь степи — Мемнонъ!

КНИГА ПЕРВАЯ.

✲

ВОСТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

✲

» Les études orientales n'ont j'amais été poussées si avant. Au siècle de Louis XIV on était helléniste, maintenant on est orientaliste. Il y a un pas de fait. Jamais tant d'intelligence n'ont fouillé à-la-fois ce grand abîme de l'Asie.«
V. Hugo (*les orientales, préface, édit.* 1).

ОДАЛИСКА.

Il faut au Sultan des Sultanes.

Victor Hugo.

I.

Тамъ, гдѣ грады въ тишинѣ,
Минаретами златыми
Блеща гордо въ вышинѣ,
Скрыты рощами густыми;
Гдѣ лишь звучно съ высоты
Льется голосъ муэззына;
Гдѣ незнаетъ правоты
Самоволье Властелина;

Гдѣ встаетъ Свѣтило - царь,
Изъ-за пальмъ и кипарисовъ,
Озарять земной алтарь —
Край роскошный Османлисовъ,
Край природы и весны,
Гдѣ, укрытыя отъ ока,
Жены рабству преданы
По закону Лжепророка;

Тамъ — не видѣлиль порой
Дѣвы юной, черноокой,
Съ каждой вечера зарёй,
Приходящей одинокой,
То подъ тихій рощи шумъ,
То на сонный берегъ моря,
Но веселой, но безъ думъ,
Беззаботливой, безъ горя?

Въ щёчкахъ блескъ лилей и розъ,
Станъ стройнѣе пальмъ оаза,
Виноградныхъ гибче лозъ;
Очи яркихъ два алмаза —
Но ихъ взоръ прелестнѣй милъ:
Какъ кристалъ прозрачно ясенъ,
Онъ всѣ мыслибъ отразилъ:
Такъ онъ дѣвственно прекрасенъ!

Но весь умъ ея младой
Лишь красой природы занятъ:
Померанецъ золотой
И цвѣты лишь дѣву манятъ;
Да оаза тишина,
Или кисти винограда —
Вотъ что любитъ лишь она,
Вотъ чему лишь сердцемъ рада.

Любитъ въ слѣдъ за мотылькомъ
За лазоревымъ гоняться,
Иль за скачущимъ сверчкомъ,
Или моремъ любоваться;
Рада камушкамъ она,
Рада раковинѣ всякой;
Что ни выброситъ волна,
Всемъ довольна одинако.

И чуть солнце наконецъ
Погрузится въ моря лонѣ,
И златистый звѣздъ вѣнецъ
Задрожитъ на небосклонѣ,
А прозрачной полутьмой
Ночь, подернувъ куполъ звѣздный,
Среброльющею луной
Озаритъ брега и бездны;

Выбѣгаетъ на брега
Дѣва хижины прибрежной,
Дочь сѣдаго моряка,
Имъ лелѣемая нѣжно,
И на волѣ вотъ одна,
Дикой козочкой игривой,
Тишиной окружена,
Бродитъ, рѣзвится счастливо.

Тутъ и все! душа ея
Какъ цвѣтокъ еще лишь въ почкѣ,
Невидавшій блеска дня,
Скрытый въ алой оболочкѣ.
Такъ безпечна, весела,
Дни отцовы услаждая,
Лишь для радости цвѣла,
Горя въ хижинѣ не зная....

Чтожь? Не видѣлиль порой
Этой дѣвы черноокой,
Съ каждой вечера зарёй,
Приходящей одинокой,
То подъ тихій рощи шумъ,
То на сонный берегъ моря,
Но веселой, но безъ думъ,
Беззаботливой, безъ горя?

II.

И одинока и грустна —
Смотрите — дѣва молодая!
И, взоръ стыдливо потупляя,
Льетъ слезы горькія она. . . . .

Что дѣва за печали
Виною этихъ слезъ?
Еще ты не вчера ли
Царицей юныхъ розъ
Цвѣла и красовалась?
Теперь же ты грустна,
Льешь слезы и блѣдна. . . . .
Куда же миновалась
Цвѣтучесть свѣтлыхъ розъ?
Откуда блѣдность взялась?
И столько горькихъ слёзъ?

Ужели ткани эти дорогія,
Которыя отъ персей молодыхъ,
Краса очей! плывутъ до ногъ твоихъ,
Волнистыя, шелковыя, златыя;
Ковры, возглавья эти парчевыя,
На коихъ ты, царицей возлежишь —
Не радуютъ твой взоръ, что ты грустишь?

Ужель изъ урнъ роскошныхъ ароматы,
Клубящія мирроуханный паръ
Подъ потолокъ златящійся какъ жаръ;
И здѣсь — цвѣты, тамъ злато, тамъ богатый
Жемчугъ, опалъ, столь пышныя палаты,
Гдѣ все тебѣ принадлежащимъ зришь —
Не радуютъ твой умъ, что ты грустишь?...

Чтожь, дѣва, за печали
Виною этихъ слёзъ?
Дни радостей настали —
Чтожь краска алыхъ розъ
Съ ланитъ твоихъ умчалась,
И ты блѣдна, грустна,
Какъ бы заключена,
И съ бѣлымъ днемъ разсталась....
Ланиты юныхъ розъ
Гдѣ алость разливалась
Смываешь токомъ слёзъ?

III.

Блескъ радуетъ младыя очи —
Но сабля тамъ какъ стекло блеститъ;
Но у дверей — чернѣе ночи,
Евнухъ ревнивый сторожитъ!!...

АЛИМЕ.

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай;
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица!

Державинъ.

На пышныхъ шелковыхъ коврахъ,
Въ безпечной праздности Востока,
Сидятъ поклонники Пророка
Съ угрюмой важностью въ чертахъ;
Предъ каждымъ, въ свѣтлыхъ хрусталяхъ,
Не возпрещенные Кораномъ

Вокругъ напитки предстоятъ;
И слуги съ брашнами спѣшатъ,
И въ пирамиду становятъ —
Пилавъ подернутый сафраномъ,
Кебабъ, фазаны, сыръ, цедратъ,
Плодъ сладкій пальмы, виноградъ
Съ лозъ идумейскихъ золотистый,
Среди шербетовъ всѣхъ сортовъ, —
И облакомъ отъ блюдъ душистый
Восходитъ паръ до потолковъ.
И между тѣмъ какъ сонмъ брадатый
Дымитъ свой сладостный кальянъ
И возливаетъ ароматы
Съ осанкой важныхъ музульманъ,
А кофе поданный кипучій,
Разогрѣвая кровь собой,
Цвѣтитъ веселостью младой
Ихъ ликъ угрюмѣй мрачной тучи —
Влетаетъ рѣзво, какъ летучій,
Какъ бабочекъ блестящій рой,
Прекрасныхъ Алиме станица,
Въ прозрачно-легкихъ пелепахъ:
Власы распущены, ихъ лица
Пылаютъ страстію, въ рукахъ —
Гремятъ ихъ звонкіе тимпаны,
И гибкіе прелестницъ станы

Въ красивыхъ очеркахъ живыхъ
Рисуются подъ пляску ихъ;
И голосъ звучный, страстью сильный,
То какъ журчащій ручеёкъ,
То какъ порывистый потокъ —
Въ цвѣты поэзіи обильный,
Чемъ отличается Востокъ,
Поетъ любовь странъ солнца знойныхъ,
Роскошной Азіи своей, —
Но вотъ дыханье ихъ быстрѣй,
Уста трепещутъ, въ безпокойныхъ
Ланитахъ ихъ пылаетъ жаръ....
Легки извивы дѣвъ прекрасныхъ!
Въ тѣлодвиженьяхъ сладострастныхъ
Смятенныхъ чувствъ кипитъ пожаръ!
Но мигъ еще.... одно мгновенье —
И потонули въ наслажденье....
Обвила шаль летучій станъ,
Прильнула къ перси ихъ атласной,
Въ очахъ, какъ солнце сквозь туманъ,
Сквозитъ остатокъ нѣги страстной.
Скрестивши ноги на коврахъ,
И, не сводя съ прелестницъ ока,
Восхищены сыны пророка
Чубукъ отъемлютъ, въ ихъ устахъ
Среди страстей обуреванья,

Гремятъ, срываясь, восклицанья:
»Барекъ Аллахъ!« и »Машаллахъ!«
И клубомъ, изъ витыхъ кальяновъ,
Взвиваясь, благовонный дымъ
Ложится облакомъ густымъ
Вокругъ разостланныхъ дивановъ. —

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ ВИЗИРЯ.

Ma dague d'un sang noir à mon côté ruisselle,
Et ma hache est pendue à l'arçon de ma selle.
VICTOR HUGO.

Feu, feu, sang et ruine!
CORTE REAL. — *Le siège de Diu.*

»Твои мнѣ прелести младыя
Какъ ключь студёный средь степей!
Я пью восторги огневые
Въ глубокой тьмѣ твоихъ очей!
Въ твоихъ обьятьяхъ утопая,
На парпурныхъ твоихъ устахъ

Я нѣгу пью — блаженство рая!
Я утопаю въ небесахъ....
Не бойся, гурія земная,
Чего дрожишь? уйми свой страхъ!

» Тамъ у меня, какъ стекло блестящій,
Булатъ надёжный мой виситъ;
Кинжалъ мой, кровь ручьемъ струящій,
Остёръ и глубоко разитъ;
При мнѣ два мѣткихъ пистолета,
А у дверей стоитъ нѣмой;
Шатёръ же сына Мухамета
Сто Спаги берегутъ собой.
Кто жь, избѣжавъ мечей пикета,
Дерзнетъ мой возмутить покой?...«

II.

Къ оружью! къ оружью! Аллаховы чада!
Скорѣе мушкеты, кинжалы скорѣй,
И острыя сабли, сыны Цареграда!
И живо на быстрыхъ садиться коней!

Къ оружью! Гяуровъ нахлынули волны,
Имъ ярость предшествуетъ, смерть вамъ несутъ,
Всѣ стогны ужь воплемъ отчаянья полны,
И жертвы повсюду отъ рукъ ихъ падутъ!

III.

Къ оружью! — и Визирь смутился;
Легли вотъ Спаги, палъ нѣмой,
Шатёръ пожаромъ озарился,
Визирь булатъ хватаетъ свой....
Рабыня трепетной рукою
Вкругъ шеи обвилась его;
Онъ машетъ саблей надъ главою,
Но тщетно — силы самаго
За каждымъ взмахомъ оставляютъ;
Сто пуль направлено въ него,
Надъ головою пролетаютъ,
И вотъ еще одна свиститъ —
И онъ въ крови уже лежитъ....

Рабыня блѣдная, нѣмая,
Ломаетъ руки, слёзы льетъ,
Рыдаетъ.... пуля вотъ другая —
И дѣва юная падетъ!....

IV.

Расширилось пламя взрываясь клубами;
Все огненный вихрь въ одинъ мигъ обхватилъ,
И заревомъ гору свѣтло̀ озарилъ, —

Откуда, съ сложенными на крестъ руками,
Со злобой смотрѣлъ изъ Гяуровъ одинъ,
Надменно на свой опершись карабинъ. —

МОГИЛА

ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА.

Ta voix noble et touchante est un bienfait des Dieux!
André Chénier.

» Твой голосъ, Саида, журчанье Зефира,
Такъ сладко чаруетъ всѣ чувства мои!
Но чья, мнѣ повѣдай, искусная лира
Тебѣ нанизала сіи жемчуги?
О, розы поэзіи такъ ароматно
Еще не дышали въ Азійскихъ странахъ!
Твой даже, краса, поцѣлуй благодатной
Не такъ упоителенъ въ страстныхъ устахъ! «

— »То гимнъ Бенамара, Султанъ благородный,
Несчастнаго старца, дѣлъ славныхъ пѣвца!
Онъ въ радужномъ образѣ богоугодно
Представилъ міръ лучшій и жизнь безъ конца;
Но пѣсни его безъ награды звучали!
Пошелъ безутѣшный къ Иранскимъ пескамъ,
И юная дочь съ нимъ — и только внимали
Безмолвныя степи небеснымъ струнамъ!« —

»Емиръ! воропую мою кобылицу
Бери поскорѣе и въ степи ступай —
Она перегонитъ быстрѣйшую птицу;
Вотъ перстень, — его Бенамару отдай.
Клянусь темнотою сей ночи прелестной,
Я благами щедро осыплю его!
Сихъ звѣздъ милліоны на тверди небесной —
Ничто при сокровищахъ старца сего!

Да придетъ и дочь съ нимъ, лѣтъ хилыхъ опора,
Съ нимъ вмѣстѣ счастливые звуки сливать!
Довольно сей пальмѣ, укрытой отъ взора,
Въ пустыняхъ бездушныхъ въ цвѣту увядать!«
Емиръ кобылицу погналъ изъ всей мочи,
Помчался, какъ изъ лука къ цѣли стрѣла;
Вдругъ видитъ онъ дѣву (ужь близилось къ ночи)
Дорогой одна шла блѣдна, но мила.

» О путникъ! одинъ ты въ пустыняхъ Ирана!
Иль ищешь кого, или сбился съ пути?«
— » Пѣвца Бенамара ищу для Султана;
Незнаешь ли, гдѣ мнѣ его здѣсь найти?« —
» О путникъ, ужь нѣтъ Бенамара! напрасно
Его ты здѣсь ищешь: онъ кончилъ страдать!
Подъ симъ кипарисомъ отецъ мой несчастной;
И мнѣ ужь недолго по немъ горевать.«

— » О цвѣтъ красоты! небеса благодатны.
Безвѣстности мракъ ты покинь наконецъ;
Да снова возблещешь; и день беззакатный
Со счастьемъ тебѣ посылаетъ творецъ!
» Вотъ, видишь предметъ моей грусти — могила?
Не вскроется сердце мое, какъ она!
Съ отцемъ я богатство мое схоронила;
И бѣдной умру я, его лишена. . . . «

И пала на холмъ, и могилу слезами
Она орошаетъ съ лобзаньемъ, съ тоской;
И тѣнь кипариса слилася съ кудрями
Густыми и черными дѣвы младой;
Еще умирающій голосъ излился
Прощальною пѣснью при звонкихъ струнахъ;
Но, пѣснь ту некончивъ, съ землею простился
Сей духъ неземной — чтобъ допѣть въ небесахъ!

ТОРЖЕСТВО ПОЭЗІИ.

Wer kann des Sängers Zauber lösen,
Wer seinen Tönen widersteh'n?
Schiller.

Всю Азію мрачный прошелъ Амуратъ;
Побѣды чело его всюду вѣнчали;
Трепещетъ предъ нимъ устрашенный Багдадъ:
Ужь тысячи граждaнъ въ стѣнахъ его ждали
Пасть жертвой неистовства грозныхъ враговъ;
Ужь царствуетъ въ стогнахъ молчанье гробовъ....
Вдругъ палъ незнакомецъ къ ногамъ Амурата:
То — Персіи Линъ, былъ пѣвецъ Алмозаръ!

Взоръ пламенемъ пышетъ, рѣчь словомъ богата,
Его согрѣваетъ пророческій жаръ. . . .
И сѣча устала, внимаютъ; пѣснь славы
Изъ устъ его льется широкой рѣкой,
Сливаясь съ пощадой, и звукъ онъ живой
Даруетъ отчизны обломкамъ — какъ лавы
Потоки, пѣснь огненной льется волной. . .
И дикій Султанъ милосердіемъ тронутъ,
Ужь, кажется, видитъ какъ жертвы, что стонутъ,
Побѣдъ его славу на вѣкъ помрачатъ;
И, гласомъ могучимъ пѣвца пораженный,
Заплакалъ впервые Гроза-Амуратъ!
» Такъ! ты побѣдилъ!. . . произнесъ умиленный:
» Пророкъ тебѣ пѣсни святыя внушилъ!
» На глазъ мой! могучь ты волшебною силой:
» Для битвъ дтя господства надъ міромъ я жилъ —
» Меня же искуство твое побѣдило! « —

Велитъ онъ — и въ страхѣ трепещущій градъ
Внимаетъ нежданно Султана прощенье;
И съ граждан оковы спадаютъ въ мгновенье,
И слезы отерты, и цѣлый Багдадъ,
У ногъ Алмозара простертъ восклицаетъ:
» Пѣвца вдохновенье отчизну спасаетъ! « —

КУПАЛЬНЯ ЕВРЕЙКИ.

Reste ici caché : demeure ;
Dans une heure
D'un œil ardent tu verras
Sortir du bain l'ingénue
Toute nue,
Croisant des mains sur ses bras;
VICTOR HUGO. *Sara la baigneuse.*

Лазурь въ огняхъ полуденныхъ пылаетъ —
И гдѣ ручей, отливами сребра,
Подъ тѣнію смоковницы играетъ,
Туда подъ тѣнь зелёнаго шатра,
Прервавъ мечты Сузана поспѣшаетъ;
И опершись съ любовью на дитя,

Которому она какъ мать родная,
Іюды дѣвъ сбираетъ вкругъ себя,
Ихъ ласково купаться приглашая;
И всѣ стеклись усердною толпой,
Немѣдленно съ охотой повинуясь
Призванію Царевны молодой,
Вокругъ нее съ услугами волнуясь.

Та съ головы тіару ей сняла,
Гдѣ въ золотѣ, оглаженномъ офиромъ,
Блеститъ топазъ и изумрудъ съ сапфиромъ;
И жемчуги съ повязкой отъ чела,
И въ блесткахъ флёръ, покровъ ея ревнивой,
Съ усердіемъ откалываетъ живо;
Иная ей, проворною рукой,
Рубиновы снимаетъ ожерелья,
Запястья съ рукъ въ оправѣ золотой,
Искусныя востотныхъ странъ издѣлья,
И прочія Еврейки молодой
Служащія къ убранству украшенья;
Другія же угодницы затѣй
Уже ковры подъ ноги стѣлютъ ей,
Освободивъ ихъ живо отъ стѣсненья
Блистательныхъ сандалій въ ремешкахъ: —
И вотъ персты на дѣвственныхъ ногахъ,
Душистыя отъ розы и сантала,

Уже струей изъ чистаго кристала
Ей обмываютъ длани вѣрныхъ слугъ;
А между тѣмъ, какъ юная Сузана
Послѣднія снимаетъ кольцы съ рукъ —
Освободясь отъ запонокъ, со стана,
Волнуяся, какъ яхонтъ голубая,
Къ ея ногамъ слетаетъ епанча,
И въ слѣдъ за ней, со снѣжнаго плеча,
Чиста, бѣла, какъ лилія рѣчная,
Льняная ткань, внезапно обнажая
Всѣ прелести Еврейки молодой. . . .
О что за мигъ! еще вдвойнѣ прекрасной
Она явилась, блеща наготой —
Чарующей, роскошно-сладострастной!
Но багрецомъ вдругъ вспыхнули у ней,
При видѣ семъ, стыдливыя ланиты,
И бѣлизну, еще стократъ сильнѣй,
Ей отразилъ румянецъ розъ разлитый!

Такъ, и въ тѣни смоковницы густой,
Гдѣ самый зной полудня умираетъ, —
Взоръ, даже свой, Сузаны молодой
Невинную стыдливость оскорбляетъ!

Но наконецъ, одолѣвая стыдъ,
Довѣрилась она рабынѣ чорной,

И оперши́сь на руку ей , покорно
Сошла въ ручей — и вотъ уже обвитъ
Сузаны станъ кристальными струями ,
И будто кость слоновая блеститъ ,
Касаясь дна златаго подъ волнами! —

ОЖИДАНІЕ.

ПѢСНЬ МОЛОДОЙ ИНДІАНКИ.

Viens, viens, Mirza! la jeune fleur t'implore,
Et du bonheur l'espérance dévore
VICTORIN FABRE.

Приходи, ужь день блѣднѣетъ
Западъ пурпуромъ горитъ —
Сердце страстью пламенѣетъ,
Ожиданіемъ кипитъ!

Берегъ спокоенъ, въ дубровѣ прохлада,
Въ темной пещерѣ разлитъ ароматъ;
Тамъ, на цвѣтахъ возлежа безъ наряда,
Ждетъ тебя милая, перси горятъ. . . .

Легкое только на нихъ покрывало,
Слабо наброшено — жду, приходи!
Жаркимъ лобзаніямъ время настало —
Милый! пей нѣгу на юной груди!

Приходи!... сильнѣе пышетъ
Огнь въ очахъ и на устахъ!...
Ожиданье грудь колышетъ —
Кровь кипитъ, горю въ огняхъ!...

Я на утесъ, при закатѣ свѣтила,
Бросилась быстро, — искала, звала,
Взоры оттуда далёко топила....
Милый! тебя я нигдѣ не нашла!
Взоръ, утомлёнъ ожиданіемъ счастья,
Меркнулъ, темнѣло въ очахъ у меня,
Изнемогала полна сладострастья,
Въ трепетѣ сладостномъ падала я....

Приходи! еще смятенья
Я полна — Мирза! скорѣй!
Жажду, жажду наслажденья....
Потуши ты пламень сей!

Долго сидѣла на сладостномъ ложѣ;
Пышущій пламень во мнѣ утихалъ.

Милый мой! зелень примялася тоже
Какъ и тогда, какъ меня ты ласкалъ....
Листъ шевелится притоптанный мною,
Томные я раскрываю глаза —
Вижу твой образъ, Мирза, предъ собою!
Твой поцѣлуй довершаетъ, Мирза!...

Поцѣлуй сей сладострастья
До сихъ поръ на мнѣ горитъ!...
Не теряй минуты счастья!...
О Мирза!... мечта кипитъ!

Видишь ли юный цвѣтокъ? онъ раскрылся
Благоуханный, румяннѣй зари;
Солнцемъ прижжённый головкой склонился;
Безъ вѣтерка увядаетъ, смотри....
Пусть вѣтерокъ же вечерній повѣетъ —
Съ первымъ дыханьемъ цвѣтокъ оживетъ:
Такъ подъ твоимъ поцѣлуемъ вотъ млѣетъ
И Азелія — едва не замретъ!...

Приходи жь, Мирза! скорѣе
Оживить младой цвѣтокъ!
Солнце жжётъ его сильнѣе....
О, дохни, мой вѣтерокъ!

ИЗЪ

АНТОЛОГІИ АРАБСКОЙ.

*

ПОКРЫВАЛО.

Вотъ идетъ моя любовь,
Но лице подъ покрываломъ!
Видъ ея волнуетъ кровь
Въ каждомъ встрѣшнемъ: въ старомъ, въ маломъ!
Пальмы вѣтвь ревнуетъ ей,
Видя станъ ея красивой;
Вотъ рукой она своей
Подняла покровъ ревнивой —

И сосѣды, изумясь,
Одногласно восклицаютъ:
»То не молніяль зажглась?
»Не въ степи ль огни пылаютъ?«

СРАВНЕНІЯ.

Ночь, надъ сонною землёю
Растилая мракъ тѣней,
Подражаетъ темнотою
Чернотѣ твоихъ кудрей;
День очамъ твоимъ огнистымъ
Подражаетъ въ небесахъ,
Блескомъ солнца золотистымъ
Пламенѣя въ высотахъ;
Пальма стану подражаетъ
Юной, стройной, красотой;
Ароматы разливаетъ,
Какъ уста твои, алой;
И наперсникъ сердца юный
Будетъ вѣчно прославлять,
Ударяя въ звонки струны,
Въ тебѣ неба благодать!

УКОРЪ.

Щёчки подъ прозрачнымъ глянцемъ,
Какъ жемчужины блестятъ,

И, какъ въ кубкѣ, въ нихъ багрянцемъ
Таетъ сочный виноградъ;
Очи, искрами сверкая,
Всѣхъ влекутъ къ себѣ сердца,
И, волшебство разливая,
Плавятъ души изъ свинца;
Ослѣпительнѣе снѣга
Шейка дивной бѣлизны....
Ты и вся любовь и нѣга,
Солнце юное весны!
Но ты, блеща красотою
И умомъ дивя своимъ —
Какъ неправа ты со мною,
Перевѣдалась бы съ нимъ!

УЛЫБКА ЛЕИЛЫ.

Не давая обѣщанья,
Въ часъ глубокаго молчанья,
Подъ прикрытьемъ тьмы густой,
Разъ пришла ко мнѣ Леила,
Самой полночью глухой,
И мой уголъ освѣтила
Полной блеска красотой!
Въ изліяньяхъ сладкой рѣчи,
Ей лобзая перси, плечи,
Взоромъ взоръ ея ловилъ;

И, дивяся дѣвѣ милой;
»Какъ прошла ты — я спросилъ —
Мимо пса? не страшно ль было?
Онъ бы челядь разбудилъ!«
— »Я безъ страха проходила,
Отвѣчала мнѣ Леила.
Песъ хоть рыскалъ у воротъ,
Но лишь только улыбнулась —
Онъ уснулъ. Онъ мой приходъ
Счёлъ зарею, что проснулась
И румянитъ небосводъ.« —

ТРУДНОЕ НАЧЕРТАНІЕ.

Сколько разъ ни покушаюсь
Описать твои черты —
Я въ сравненіяхъ теряюсь,
Дѣва чудной красоты!
Съ чемъ сравнить твои мнѣ очи?
Жгутъ какъ солнце и горятъ
Какъ алмазы ясной ночи,
А темнѣе, чѣмъ агатъ!
Кудри тучами нависли
Вкругъ веселаго чела,
Гдѣ твои младыя мысли
Не мрачитъ ненастья мгла;

Ликъ твой — споръ стихій могущихъ,
Небо въ очеркѣ земномъ;
На щекахъ твоихъ цвѣтущихъ
Точно снѣгъ слился съ огнемъ!

СЧАСТЛИВАЯ НОЧЬ.

О, какъ отдалъ бы охотно
Жизнь для дѣвы-красоты,
Приходящей беззаботно
Въ первый сумракъ темноты!
Въ часъ — когда смыкаетъ очи
Сонъ и джинновъ и людей....
Часъ блаженный дивной ночи, —
Въ сердцѣ кровь кипитъ сильнѣй,
И, сдается — сладко внемлешь
Взоровъ, сердца тайный звукъ:
» Укорялъ ты... что жь ты дремлешь?
Встань, виновный сердца другъ!
Совершилися желанья;
Ты теперь не укоряй....
И горячія лобзанья
На устахъ младыхъ сбирай!!..«

КНИГА ВТОРАЯ.

*

ЭРОТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

*

Selig durch die Liebe
Götter, — durch die Liebe
Menschen Göttern gleich!
Liebe macht den Himmel
Himmlischer, — die Erde
Zu dem Himmelreich!

Schiller.

НЕЭРА.

Люблю тебя, Хро̀мисъ! иди поскорѣй.
Я повсюду слыву красотою моей:
Бѣла какъ Діана, легка какъ она,
Величава осанкой и также стройна;
И если со стадомъ иду я вечоръ,
Выступая надменно, потупя свой взоръ —
То всѣ пастухи, незамѣчены мной,
Провожая очами, твердятъ межъ собой:
Не смертная то; какъ прекрасна она!
Какъ богиня горда, и мила и стройна!

Неэра! себя неввѣряй ты волнамъ:
Ахъ! и въ правду ты будешь богинею тамъ!
И въ бурю, взывать ужь самъ-другъ наконецъ
Галатею съ Неэрою будетъ пловецъ! —

СОНЪ.

Хотя для насъ ударитъ часъ разлуки,
Но если ты вѣрна любви моей —
Не разтравляй ужасной сердца муки:
Не поминай мнѣ о разлукѣ сей!

Пускай еще послѣднія мгновенья
Мы проведемъ на единѣ съ тобой,
И въ радостныхъ восторгахъ наслажденья,
Забудемся еще на мигъ, другой. . . .

Когда жь придетъ минута роковая
Намъ возвѣститъ послѣднее: прощай!
Тогда, къ груди съ любовью прижимая,
Ты яду мнѣ, о милая, подай!

Къ устамъ твоимъ я весь прильнувъ устами,
Не оторву ихъ отъ тебя, мой другъ!
И хоть уже, холодными крылами,
Смерть размахнувъ отвѣетъ жизни духъ:

Рѣсницъ своихъ на вѣки не сомкну я;
Пусть въ сладостномъ забвеньи потону,
Тебя въ уста пурпурныя цѣлуя,
Со взоромъ взоръ солью я, и усну!...

А тамъ — когда, на зовъ трубы небесной,
Подъемлющей изъ гроба мертвецовъ,
Настанетъ часъ, и мнѣ, могилы тѣсной,
Въ сырой землѣ, покинуть мрачный кровъ:

Воспомнишь ты о другѣ сердца нѣжномъ,
И съ паперти небесной сниdешь ты,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, въ покровѣ бѣлоснѣжномъ,
Воззвать его, какъ ангелъ чистоты!

Тогда опять, къ груди твоей лилейной,
Меня прижмешь ты дѣвственной рукой,

И я проснусь — и взоръ благоговѣйной
Вновь устремлю на ликъ небесный твой....

Отъ той поры ужь болѣ не усну я;
Къ устамъ твоимъ пурпурнымъ вновь прильну,
И въ сладостныхъ восторгахъ поцѣлуя —
Я дѣвственной душою потону!

КЪ ***

Когда начнетъ малиновка моя,
Развеселясь счастливою порою,
То распѣвать, то щебетать со мною —
Такъ сладостно обворожитъ меня;
Что, затаивъ и голосъ и дыханье,
Гляжу, молчу: боюся прерывать;
И только бы хотѣлъ внимать, внимать,
Ея пѣнью, и слышать щебетанье!

Когда жь огонь запышетъ вдругъ въ очахъ,
И багрецомъ покроются ланиты,

И чистый рядъ жемчужинъ полускрытый,
Блеснетъ въ ея коралловыхъ устахъ —
Тогда, смѣлѣй, гляжу ей въ ясны очи,
Уста къ устамъ, и не хочу внимать,
А только бы ее мнѣ цѣловать,
И цѣловать всю жизнь, и дни и ночи! —

СТАНЦЫ.

I.

Когда въ шуму увеселенья,
На время ты забыта мной —
То въ тихій часъ уединенья,
Всегда со мною образъ твой!
Я съ нимъ въ бесѣдѣ неразлучной,
И, удаленный отъ людей,
Отъ ихъ коварности докучной,
Я грусти предаюсь вольнѣй.

Прости! когда порою свѣту
Я мыслью жертвую твоей,
И будто измѣнилъ обѣту —
Когда смѣюсь въ кругу друзей!
Твою, повѣрь мнѣ, память чту я!
И хоть улыбка на устахъ —
Но въ сердцѣ грусть! и я, тоскуя,
Боюся вздоха при друзьяхъ....

Когда изъ чаши пью похмелье,
Не для того я пью изъ ней —
Чтобъ потопить тоску въ весельѣ;
Для этого напитокъ сей
Имѣть бы долженъ свойство Леты....
Но еслибъ онъ въ меня пролилъ
Забвенье милаго предмета —
О, я бы чашу сокрушилъ!

Кто бъ сердце могъ мое наполнить,
Когда бъ тебя лишился я?
И кто бъ остался чтить и помнить
Твою гробницу безъ меня!
Нѣтъ, это мой долгъ непремѣнной!...
И пусть тебя бъ весь міръ забылъ —
Я, я воздамъ сей долгъ священной
Останкамъ той, кого любилъ!

Увѣренъ — было бы пріятно
Тожь и тебѣ сей долгъ воздать
Тому, кого слезой отрадной
Никто не будетъ поминать —
Когда простившись съ этимъ свѣтомъ,
Гдѣ былъ любимъ одной тобой,
Вдругъ разлученъ съ драгимъ предметомъ,
На вѣкъ залягу сиротой!...

Увы! любовію младою
Я знаю, жертвуя мнѣ ты,
То̀ удѣляла мнѣ собою
Что было, ангелъ красоты,
Не мнѣ назначено удѣломъ...!
Ты радость неба самаго!
Такъ могъ ли смертный быть столь смѣлымъ —
Воображать, что ты его?

II.

Ни пятнышка на небѣ голубомъ,
Луга цвѣтутъ финифтью отливая,
У ногъ ручей сверкаетъ серебромъ,
Со мной моя подруга молодая....
Но все еще *чего-то* жажду я,
И вздохами томится грудь моя!

Надъ ручейкомъ поникнувъ головой,
Вперяю взоры въ дно его златое,
И сладостной забывшися мечтой,
Ей предаюсь; все позабывъ земное—
Вдругъ я вздрогнулъ.... и капнула въ ручей
Слеза *тоски* невольно изъ очей!

Улыбку устъ единую даруй!
Даруй любви мнѣ поцѣлуй единый!
Твой ясный взоръ, улыбка, поцѣлуй, —
Смягчаютъ мнѣ удары злой судьбины,
И, сладостнымъ восторгомъ упоёнъ,
Я какъ бы въ міръ *иной* переселёнъ!

III.

Ты мало говоришь, скупишься ты словами;
Но каждое изъ нихъ я дорого цѣню!
И въ памяти моей, чтобъ улетѣть съ лѣтами
Изъ мысли не могли — глубòко ихъ храню.

Однажды, дружески ты, помню, говорила:
Будь братомъ ты моимъ, а я тебѣ сестрой!
Такъ! урна памяти всё это сохранила;
И незабудки цвѣтъ лѣжитъ на урнѣ той!

Какъ путникъ, надъ чужой остановясь могилой,
Читаетъ надписи надгробныя на ней:
Такъ я, въ минуты думъ, читаю рѣчи милой
Завѣтныя слова, а гдѣ? въ душѣ моей!

И хоть не разъ сверкнетъ слеза отъ умиленья,
Я все читаю ихъ, чтобъ потонуть въ слезахъ;
И съ памятника дней блаженныхъ наслажденья
Смываю оными забвенья хладный прахъ!

МЕЛОДІИ.

I.

Какъ сладокъ часъ, — когда, блѣднѣя,
День погасаетъ наконецъ,
И солнце пурпурное, тлѣя,
Въ волнахъ затопитъ свой вѣнецъ!

Тогда раздумное мечтанье
Взвиваетъ свой воздушный лётъ,
И сладкое воспоминанье
Тебѣ свой вздохъ вечерній шлётъ!

И между тѣмъ, какъ слѣдъ огнистый
Горитъ на дремлющихъ водахъ —
Кудабъ ни велъ сей путь златистый,
Я полетѣлъ бы на крылахъ!...

Онъ долженъ весть къ блаженства прагу!
Гдѣ лживые покинувъ сны
Я съ упоеніемъ возлягу
На персяхъ вѣчной тишины!

II.

Пускай рокъ гибельный разитъ!
Но дней счастливыхъ сновидѣнья,
Онъ никогда не помрачитъ
Пятномъ постыднаго забвенья!

—

Они, средь бѣдствій черныхъ тучь,
Горятъ мнѣ выраженьемъ счастья,
Какъ радугою солнца лучь
Во время грознаго ненастья.

На долго сердце сохранитъ
Завѣтный слѣдъ воспоминаній,
Который, врѣзанъ какъ въ гранитъ,
Съ презрѣньемъ ждетъ обуреваній!

Такъ, если урну сокрушатъ,
Гдѣ розовой елей хранился;
Въ обломкахъ слышенъ ароматъ
Хотя елей ужь истребился! —

III.

Не убѣгай! еще пробудь
Со мной единое мгновенье!
Склонивъ главу ко мнѣ на грудь,
Продли, о дѣва, наслажденье....
Теперь-то самый мигъ златой,
Когда, восторги сладострастья,
Съ фіалкой вмѣстѣ, въ тьмѣ ночной,
На лонѣ разцвѣтаютъ счастья!

Теперь-то часъ сладчайшихъ благъ,
Когда невѣстою влюбленной,
Луна, красуясь въ небесахъ,
Осеребряетъ міръ нашъ сонной.
О, красота, луна, любовь!
Единственно для украшенья
Сихъ тайныхъ сумрака часовъ,
Васъ создалъ Царь-Отецъ творенья!

Въ сiю-то пору тайнъ и тьмы,
Влiянья сладостныя ваши
Вздымаютъ волны какъ холмы,
И пѣнятъ праздничныя чаши!
И ты о дѣва, не бѣги!
Такъ рѣдко радость намъ сплетаетъ
Свои небесные вѣнки,
Какими нынѣ насъ вѣнчаетъ!

Пробудь еще! пробудь со мной....
Слыхала-ль? есть родникъ чудесной,
Подъ сѣнью пальмъ, въ степи глухой,
Гдѣ былъ Аммоновъ храмъ извѣстной;
Родникъ сей днёмъ — какъ лёдъ студёнъ,
Прохлада на тѣнистомъ брегѣ;
Чуть только ночь — пылаетъ онъ,
Какъ сердце тонущее въ нѣгѣ....

Какъ сей родникъ заповѣдной —
И сердце женщины и очи,
Холодныя въ полдневный зной,
Должны пылать съ возвратомъ ночи,
Ночь, какъ волшебница, кругомъ
Простерши темноту, молчанье, —
Сердца намъ пламенитъ огнёмъ,
Вливая въ нихъ очарованье!

Помедли, другъ! . . . о, никогда
Твои такъ днёмъ неблещутъ очи,
И не горятъ твои уста, —
Какъ въ этой тьмѣ волшебной ночи!
И жаль бы было разорвать
Вѣнки и цѣпи наслажденья! . . .
Останься, другъ! пока вкушать
Дано намъ нѣгу упоенья! —

I V.

Когда ночь тихая звѣздами
Усѣетъ ясный небосводъ,
Свободнѣй грудь моя дохнетъ;
Душа, всколыхшена мечтами,
Какъ виноградъ златой въ устахъ —
Отъ упоенья сладострастья
Въ эфирныхъ таетъ небесахъ;
И *милая* звѣздою счастья,
Съ природой слившись въ тишинѣ,
Вливаетъ въ радость сердце мнѣ!

Когда же струнъ брящанье слышетъ
Мой ненасытножадный слухъ,
И музыка обдастъ мой духъ,
И сердце сладко укольшетъ —

Тону въ гармоніи волнахъ,
Я пью небесъ очарованье,
Ликъ вспыхнетъ жаромъ и въ очахъ
Заблещутъ слёзы, и дыханье
Смиряю я — какъ будто мнѣ
Звукъ *милой* слышится въ струнѣ!

О музыки волшебны звуки!
Природа въ епанчѣ ночной!
Люблю васъ пламенной душой!
Вы, сердца усыпляя муки,
Мнѣ жизнь даруете свѣтлѣй!....
Не *милой* ли то блещутъ очи?
Не звукъ ли то ея рѣчей?
Нѣтъ! звѣзды то прелестной ночи,
То струнъ бряцанье въ тишинѣ,
Вливаютъ радость въ сердце мнѣ! —

V.

О, возвратятся ли, Марія,
Еще когда нибудь назадъ,
Минуты жизни золотыя —
То небо сладостныхъ отрадъ,
То небо упоенья, счастья,
Гдѣ я тобою жилъ, дышалъ,

И непорочно утопалъ
Въ восторгахъ чистыхъ сладострастья!
О, будемъ ли еще мы разъ
Въ томъ небѣ созданномъ для насъ?

»Небогохульствуй!« говорила,
И будто въ гнѣвѣ, перстъ къ устамъ,
Ты пламеннымъ моимъ словамъ
Съ улыбкой милою грозила —
Когда восторженный я палъ
Передъ тобою на колѣни,
И съ жаромъ руку лобызалъ,
И съ жаромъ отвергалъ я пени,
Которыми, какъ градомъ, ты
Мои ничтожила мечты!

Небогохульствую, Марія!
Всегда я повторить готовъ,
Что тѣ минуты золотыя —
Мнѣ небомъ: въ нихъ я пилъ любовь!
Теперь ихъ тѣнь одну природа
Мнѣ сохраняетъ — въ блескѣ дня,
Въ цвѣтахъ, въ гармоніи ручья,
Въ ночномъ сапфирѣ небосвода,
Въ лучѣ таинственномъ луны,
И въ самомъ лонѣ тишины! —

По мнѣ — два неба есть, Марія:
Святая вѣра ждетъ въ одномъ,
Простря объятія святыя,
Въ рукѣ съ безсмертія вѣнцомъ;
А какъ въ парахъ, надъ водоскатомъ,
Изъ яркихъ солнечныхъ лучей,
Родится радуга и въ ней
Слитъ пурпуръ съ яхонтомъ и златомъ;
Родится такъ въ умѣ пѣвца —
Другое небо безъ конца!

Міръ идеальный, мысли сфера,
Гдѣ весь Олимпъ его живётъ....
И тамъ-то ты, моя Цитера!
Блистая тысячьми красотъ,
Вилася бабочкой безпечной
При легкокрыломъ мотылькѣ,
Пока насъ, въ радужномъ вѣнкѣ,
Встрѣчала радость, другъ сердечный!..
О будемъ ли еще мы разъ
Въ томъ небѣ созданномъ для насъ?...

КНИГА ТРЕТІЯ.

✲

БАЛЛАДЫ.

✲

Si es verdad ó non yo no lo he hy de ver,
Pero non lo quiero en olvido poner.
JOAN LORENZO SEGURA DE ASTORGA.

Правда ли, нѣтъ ли, не стану здѣсь разбирать того, но не хочу сіе предать забвенію.

ЛУНАТИКЪ.

Voyez en esprit ces blessures : l'esprit lorsqu'il dort, il voit tout ; lorsqu'il veille, il est aveugle.

☼

« Куда, мой другъ? ужель разсвѣтъ?
Нѣтъ, это огонёкъ лампадный
Тамъ брежжетъ, разливая свѣтъ
Очамъ таинственно отрадный.
Еще весь небосводъ одѣтъ,
Гляди, какой густою тьмою!
Въ клапсидрѣ нѣтъ и трехъ часовъ;
Прилягъ еще! усни со мною,
Подъ кровомъ ласковыхъ боговъ.
« Прилягъ мой другъ! »

Но онъ какъ можно
Съ постели тише привстаетъ;
Сошелъ, и крадясь осторожно
Лампаду блѣдную беретъ
И огонёкъ передъ собою
Прикрывъ прозрачною рукою,
Имъ осребренный, вновь идетъ
Къ постели тихими шагами,
И, неподвижными очами,
Какъ призракъ, ужасъ наводя,
Бормочетъ громко про себя:

— «Ага! измѣнница!... но стойте....
Все кончено.... алтарь тѣнямъ....
Вотъ кипарисъ.... могилу ройте....
Кто первый?... Наслаждайтесь тамъ!» —

И Нера на колѣни пала,
И блѣдная, дрожа, въ слезахъ,
Въ развитыхъ по плечамъ власахъ, —
«Стой! выслушай меня! вѣщала:
Стой! боги гонятъ ли тебя!...
Но сжалься, другъ мой, надо мною!
Смотри передъ тобою я,
Твоя супруга предъ тобою....
Тебя въ слезахъ, мой другъ, молю....

Но ты бѣжишь!... молю напрасно!
Увы! не внемлешь ты несчастной....
Услышьте вы мольбу мою,
Морфей и ясная Фебея!
Даруйте вы ему!....»

— «Ражу....

Ражу негоднаго злодѣя!...
О прямо въ грудь сей мечь вонжу....
Насыщу месть.... падёте оба....
Умри!... коварный Полліонъ....
Какъ молодъ снидешь въ мраки гроба!...
Онъ не противится! слабъ онъ!
Едва лишь только пухъ златистый
Ложится по его щекамъ,
И данъ любовью цвѣтъ огнистый
Его віющимся кудрямъ....
Прочь эту епанчу, я крови
На ней не вижу....» —

«Жизнь моя!
Мой другъ! ужели ты меня
Подозрѣваешь, чтобь любови
Я измѣнить могла твоей?
О, если ужь бѣжать съ тобою
Изъ дому матери моей,

Забывъ свой долгъ передъ родною,
Рѣшилась на поступокъ сей. . . .
И если мы любви священной
Заблаговременно съ тобой
Возжгли огонь заповѣдной :
То сею жь самой, неизмѣнной,
Любовью нашей роковой,
Залогомъ клятвъ запечатлѣнной,
Клянусь предъ жертвенникомъ симъ
Безсмертный Рен, древней Весты,
Что непорочныхъ клятвъ невѣсты,
Произнесенныхъ передъ нимъ —
Клянуся я, не осквернила,
Горя любовію иной !
И Пенелопа не хранила
Къ супругу вѣрности такой,
Какъ я, — чиста передъ тобой !
И про какого Полліона
Ты говоришь ? »

— « Уже въ рукахъ
Власы твои держу, и стона,
Ни поздаго уже въ слезахъ
Самопризнанья не пріемлю. . . .
И презираю. . . . все открыть. . . .
Корина, ты умрешь! — »

« Что внемлю!
Другую — не меня любилъ!...
Родимая!... твой гнѣвъ священный,
Какъ нѣкій богъ ожесточенный,
Гналъ нашу связь!... зачѣмъ тогда
Словамъ, увы! я не внимала
Твоимъ родительскимъ, когда
Совѣты мудрые вливала
Въ мое ты сердце, такъ любя....
Теперь уже удара я
Не отведу!... рази! коварный,
Жестокосердый человѣкъ!
Рази!... я отжила свой вѣкъ....
Такъ обмануть!... неблагодарный!...
Что медлишь ты? рази! рази!
Вотъ грудь моя къ тебѣ любовью
Пылавшая — упейся кровью,
Неблагодарный.... ахъ.... прости....
Да небеса намъ судіею!...
Услышьте....»

— « Боги! что со мною!...« —

ЗИМА.

Luenga es su noche, y cerrados
Estan sus ojos pesados:
Idos, idos en paz, vientos alados!

*

Сѣрыя тучи мрачатъ небеса,
Хладныя, рѣзкія вьются мятели;
Снѣгомъ покрыты долины, лѣса,
Жизнію дышатъ лишь сосны да ели —
Пусто и дико! хруститъ подъ ногой!
Дѣва, несчастная слабости жертва,
Съ бѣднымъ малюткой идетъ полумертва;
Путь ей безвѣстенъ въ пустыни глухой.

» Богъ мой! что дѣлать мнѣ? скоро ужь ночь!
Бѣдненькій, плачешь и дрогнешь отъ стужи....
Выгналъ родитель насъ изъ дому прочь,
Выгнала мать насъ... жестокія души!
Заперли двери для насъ обоихъ!...
Всѣхъ ихъ жесточе мой обольститель!
Онъ насъ лишивъ всего бросилъ, губитель,
По міру бросилъ скитаться однихъ!...

» Тише, малютка! родимый ты мой!
Ближе прижмися къ сей груди согрѣтой;
Дай, прикрою убогой полой!...
Еслибъ увидѣлъ родитель твой это,
Вѣрно бы не былъ онъ столько жестокъ!
Вѣрно бы тронулся участью сею;
Далъ бы пріютъ намъ подъ крышей своею....
Но онъ невидитъ насъ! злобный нашъ рокъ!

» Такъ ты озябло, родное дитя!
Вотъ ужь и глазки заранѣ закрыло....
Холоденъ весь ты.... о, пусть же тебя
Слёзы мои согрѣваютъ, мой милой!
Но и слеза превращается въ лёдъ!...
Ты ужь скончался! и нѣтъ тебя болѣ —
Все мое счастье погибло! въ недолѣ
Жизнь одинока скорѣе пройдетъ!....«

Падаетъ жертвой изгнанья чета,
На снѣговую покатость сугроба;
Клонитъ къ устамъ посинѣлымъ уста,
Силы лишенная дѣвица-гроба;
Жметъ ослабѣлой младенца рукой;
Поцѣловала, глубоко вздохнула,
Какъ бы съ укоромъ на небо взглянула,
И зарыдавши — поникла главой! —

БЕЗУМНАЯ.

Въ роковомъ твоемъ просторѣ
Много бѣдъ погребѣно!
Н. Языковъ.

*

Свѣтитъ мѣсяцъ въ чистомъ плёсѣ,
Волны плещутъ о гранитъ;
Дѣва въ бѣломъ на утёсѣ
Молчаливая стоитъ.

Вѣтеръ косу развѣваетъ,
И клубится пелена;
Дѣва призракомъ блуждаетъ
И безмолвна и блѣдна.

Поздней ѣдучи порою
Вдоль по дремлющей рѣкѣ,
Чуть рыбакъ передъ собою
Дѣву взвидитъ въ далекѣ —

Перекрестится и мимо
Брегъ минуетъ роковой,
И про дѣву боязливо
Сѣетъ басни предъ семьёй.

Двѣ слезинки на рѣсницѣ
Какъ два жемчуга блестятъ;
И не мѣстятся въ зѣницѣ,
И скатиться не хотятъ;

Пусть бы только, хоть невольно
Покатились не равно —
Сердцу стало бъ тяжко, больно,
Разорвалось бы оно!

И тогда, печали хладомъ
Сжаты слезы, изъ очей
Покатилися бы градомъ,
Взоръ затмился бы у ней;

Дѣва жь быстрый, соколиный,
Хочетъ взоръ и летъ имѣть —
Чтобъ за дальнія пучины
Вслѣдъ за другомъ ей летѣть!

Онъ отплылъ тому два года;
Въ ту же ночь спѣшилъ домой:
Но взревѣла непогода —
Чолнъ погибнулъ подъ волной.

Трупъ же милый яры волны,
На брегъ выбросили прочь....
Слезъ горючихъ очи полны,
Дѣва стонетъ день и ночь.

И разсудокъ дѣвы вскорѣ
Мракъ безумія затмилъ;
Дикость видится во взорѣ,
Сердце хладъ оледенилъ.

Много времени уплыло, —
Всѣми юноша забытъ;
И надъ тихою могилой
Мхомъ бѣлѣется гранитъ.

Только дѣва помнитъ друга
И тотъ день, когда отплылъ —
Все, ей мнится отъ недуга,
Все, ей мнится, не уплылъ!

И уста ея улыбкой
Оживляются порой;
Но такъ молнія ошибкой
Освѣщаетъ мракъ ночной.

И лишь мѣсяцъ въ чистомъ плёсѣ
Свой дрожащій лучь прольётъ —
Дѣва въ бѣломъ на утёсѣ
Молчаливо друга ждетъ! —

ОНДИНА.

Истинная любовь уподобляется гнѣву глупаго; она неперестаетъ жечь и тогда, какъ пройдетъ къ ней поводъ.

Гафизъ.

*

Есть существа, отъ глазъ утаены.
Такъ говоритъ старинное преданье!
Мы ихъ толпой всегда окружены;
Онѣ мечты эфирное созданье —
Но чувствами, какъ мы, одарены.
Прозрачный Сильфъ съ Сильфидою прекрасной,
Чуть день погаснетъ — тонутъ въ небесахъ;
Дышать огнемъ — жизнь Саламандры ясной,
И виться вверхъ на пламенныхъ крылахъ;
Ужасный Гномъ, страны подземной житель,
Покоя дѣвъ коварный возмутитель,

Пугаетъ ихъ въ безмолвной тьмѣ ночной;
Толпы Ондинъ, вѣнчанныхъ осокой,
Когда луна, надъ сонной водъ равниной,
Мильономъ звѣздъ разсыплется въ струяхъ —
Покинувъ дно, играютъ надъ пучиной,
И пѣсни ихъ мрутъ сладко на брегахъ.

Со смертными связуясь дружбой страстной,
Они съ тѣхъ поръ блаженства лишены,
Подобно намъ судьбою полновластной,
Всѣмъ бѣдствіямъ земнымъ обречены!

Однажды, водъ любуясь тишиною,
Задумчиво надъ озеромъ сидѣлъ
Младой рыбакъ вечернею порою,
И пристально на озеро смотрѣлъ —
Оттуда пѣснь лилась; и звукъ унылой
На берегахъ протяжно умиралъ....
Обвороженъ таинственною силой,
Той пѣсни онъ задумчиво внималъ.

Голосъ.

Подъ водой я обитаю,
Въ самомъ лонѣ глубины;
Слухъ мой жадный услаждаю
Звонкимъ говоромъ волны.

Ночью ложе мнѣ — сребристый
Вѣчнозыблемый кристаллъ;
Днемъ — мнѣ въ кудри золотисты
Вьется жемчугъ и кораллъ;

Посреди кремней играя
Лобызаемыхъ волной
Я черчу воспоминая
Сердцу образъ дорогой!

Межъ нарцисовъ бѣлоснѣжныхъ,
Межъ лазоревыхъ лилей,
Пью я жизнь цвѣтовъ прибрежныхъ,
Въ свѣтлой вольности моей;

То на солнцѣ, въ полдень ясной,
Я любуюсь, какъ прекрасно,
Подъ серебряной волной,
Рѣетъ рыбка молодая,
Рѣзво, весело, играя
Голубою чешуёй.

Свѣтлой властвую улыбкой,
И послушный ей народъ,
Въ свѣтломъ царствѣ влаги зыбкой,
Власть Ондины признаетъ. —

Лишь тебя, мой другъ прекрасной,
Нѣтъ со мной въ сей долѣ ясной!...
Низойди ко мнѣ въ чертогъ,
Подъ кристальные покровы,
И сей перстень осоковый
Ты прими любви въ залогъ!

Чуть же въ сумерки прохлада
Сонный берегъ осѣнитъ,
И всемірная лампада
Лоно волнъ осеребритъ —
Съединюся я съ тобою
Подъ навѣсистой скалою,
Гдѣ, въ вечерніе часы,
Мнѣ единая отрада —
Освѣжать мои красы
Въ капляхъ жемчужной росы,
Въ пыльныхъ брызгахъ водопада!

Такъ однажды, помню я,
Помню вечеръ тотъ прекрасной!...
Въ каплѣ перлы той горя
Отражался ликъ мой ясной; —
Вдругъ по дремлющимъ волнамъ
Легкій челнъ скользитъ къ брегамъ....
Ты въ немъ былъ, мой другъ единый!

И увидя вдалекѣ
Блескъ алмазный въ осокѣ —
Свѣтлый ликъ младой Ондины
Счелъ небесною звѣздой! . . .

Съ той поры гляжу на волны
Съ ожиданіемъ, съ тоской;
Съ той поры, унынья полный,
На листкахъ моихъ цвѣтовъ
Ищетъ взоръ твоихъ слѣдовъ;
Съ той поры я издалёка
Всё зову — приди ко мнѣ,
Къ дѣвѣ водъ голубоокой!
По серебряной волнѣ
Перешли мнѣ голосъ звучный! . . .
Жизнь таинственна твоя,
И загадкой для меня!

О приди! . . . мы неразлучны
Быть должны, мой другъ, съ тобой!
Мы должны необходимо
Вмѣстѣ душу слить съ душой!

О приди же! и, томимой
Скорбью сердца, мнѣ скорѣй
Горечь въ сердце перелей —

А въ замѣнъ твоихъ страданій,
Я, въ любви очарованьи,
Передамъ тебѣ свои
Всѣ веселья, всѣ забавы,
Наслажденья безъ отравы,
Всѣ счастливѣйшіе дни!

Недоходитъ до Ондины
Ропотъ сердца, вздохъ тоски:
Только легкіе съ долины
Залетаютъ вѣтерки,
И порой лишь ропотъ нѣжной
Будятъ въ зелени прибрежной
Или въ листьяхъ осоки!

Но мой бытъ однообразный,
Наслажденія мои —
Мнѣ скучаютъ, другъ прекрасный....
Жажду слезъ я и любви!

Нетягчитъ существованье,
Участь свѣтлая сладка;
Жизнь, какъ тѣнь, моя легка:
Но какъ дымъ — очарованье,
Но блаженства я чужда!
О несчастная!... желаній

Я незнала никогда;
Я незнала и страданій,
И слезы еще ни разъ
Не скатилося изъ глазъ!...«

И скоро намъ она сестрою стала!
Какъ дочь земли, познала горечь слёзъ:
Ея всю жизнь — бытъ самыхъ свѣтлыхъ грёзъ
Земная страсть печальми переткала!
Жизнь долгую страданій на земли
Она въ слезахъ влачила безнадежныхъ,
И на цвѣтахъ уже своихъ прибрежныхъ,
Которые на радость ей цвѣли,
На чьихъ листкахъ пила благоуханья —
Пила теперь сильнѣйшій ядъ страданья! —

НОЧНОЙ СТОРОЖЪ.

» Eveillez-vous, gens qui dormez
Priez Dieu pour les trepassés! «

*

» Проснитесь люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила.
Проснитеся! молитвы часъ!
Усердно Богу помолитесь
За упокой любившихъ васъ!
Проснитеся, проснитесь! «

— О ты, чей взоръ еще младой
Печали горькихъ слезъ незнаетъ,
Ты не пугайся, ангелъ мой:
Не для усопшихъ призываетъ
Тебя полночной этотъ бой. . . .

Явися тихо, безъ испута!
Тебя твой другъ зоветъ и ждетъ!
Явись — и тайны въ сердце друга
Твое пусть сердце перельетъ!....

» Проснитесь люди! и проч. « —

Ужели полночь такъ пройдетъ
Печальной, мрачною порою?
И ни листочка не спадетъ
Мнѣ на главу?... почною тьмою
Окрытый другъ твой долго ждетъ!
Проснись скорѣе, ангелъ ясной!
Къ тебѣ взвываетъ онъ давно....
Но зовъ теряется напрасно,
Не раскрывается окно!

» Проснитесь люди! и проч. « —

— Я здѣсь, мой милый, но смотри —
(Младая дѣва прозвучала):
Чтобъ полночь утренней зари
Своимъ трезвономъ неподняла!
Уже свѣтаетъ.... слышалъ, три
На башнѣ только что пробило?
Оставь скорѣе свой трезвонъ:

Народъ удивится, мой милой,
Что такъ его тревожатъ сонъ!

» Проснитесь люди! и проч. « —

— Ахъ! Господи! вскочивъ со сна,
Старушка шепчетъ и крестится:
Экъ ныньче полночь какъ длинна!
Не до разсвѣта ли продлится!
Еще не помню, чтобъ она
Такъ долго слёзы проливала
За недовольныхъ упокой!
Когда бъ она не напугала
Мое-то дитятко собой!...

» Проснитесь люди! и проч. « —

Пришли поутру посѣтить
Празднолюбивыя сосѣдки,
И стали дѣвѣ говорить —
Въ одно, и матушки и дѣтки:
Что на минуту глазъ закрыть
Какой-то имъ покойникъ недалъ....
И дѣву смѣхъ сердечный бралъ:
Подробно ясный ангелъ вѣдалъ,
Какой мертвецъ ихъ сонъ смущалъ.

»Проснитесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю орасила.
Проснитеся! молитвы час!
Усердно Богу помолитесь
За упокой любившихъ васъ!
Проснитеся! проснитесь!« —

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

✲

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

✲

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной,
И ваши тайные цвѣты,
О вы, Поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!

А. Пушкинъ.

ИТАЛІЯ.

Italie ! Italie ! ah ! pleure tes collines ,
Où l'histoire du monde est écrite en ruines ;
Où l'empire , en passant de climats en climats,
A gravé plus avant l'empreinte de ses pas ;
Où la gloire , qui prit ton nom pour son emblême ,
Laisse un voile éclatant sur ta nudité même.
Voilà le plus parlant de tes sacrés débris !

A. de Lamartine, *Perte de l'Anio.*

О дивная страна очарованья,
Италія! поэзіи земля!
Давно къ тебѣ, на крыліяхъ мечтанья,
Несытая летитъ душа моя!...

Какъ жадно бы, по вѣковымъ обломкамъ,
Среди твоихъ торжественныхъ гробницъ,
Учился я.... чтобъ передать потомкамъ —
Завѣтныхъ нѣсколько страницъ!...

Тамъ жизнію бъ мнѣ вѣяло желанной,
Тамъ цѣпи я земныя бы расторгъ,
И на землѣ страны обѣтованной —
Въ грудь пылкую пролился бы восторгъ!
На каждомъ бы шагу встрѣчались тѣни
Твоихъ вѣнчанныхъ лаврами мужей,
И сладостно бъ я любызалъ ступени,
Сѣдалища твоихъ дѣтей!

Мой духъ воспрянулъ.... но, увы! печальной —
Онъ видитъ — мракъ гроба твои покрылъ!
И вотъ зажёгъ онъ факелъ погребальной —
И сонъ вѣковъ внезапно пробудилъ....
Воскреснули различные народы;
Я зрю тріумфы ста богатырей,
И торжествомъ откликнулися своды —
Вдругъ.... всё сокрылось отъ очей!

Такъ! это вздохъ, исторгнутый невольно,
Сей образъ свѣялъ, удалилъ!...
Опять онъ горстію земли юдольной

Возставшія столѣтія покрылъ!
И я одинъ, оставленъ надъ священной
И грозною могилою вѣковъ!...
Безмолвствую — какъ праха червь презрѣнный,
На гробѣ славныхъ праотцевъ!

О юные счастливцы сей юдоли!
На чьихъ устахъ улыбка лишь цвѣтётъ,
Чье сердце пиръ ликуетъ свѣтлой доли,
А мысль красой и нѣгою живётъ —
Хотитель вы, средь пламенныхъ желаній,
На ясномъ лонѣ радости цвѣтовъ,
Жизнь новую вкушать очаровпній
И юность чрезъ всю цѣпь годовъ?...

Хотите ль вы? такъ направляйте крылы
Подъ небеса Италіи скорѣй!
Тамъ нѣгой страсть, просачиваясь въ жилы,
Кипитъ въ крови и пышетъ изъ очей;
Сжигаетъ грудь томительнымъ дыханьемъ,
И взволновавъ всѣ чувства въ ней, какъ мать,
Старается потомъ съ очарованьемъ
Ко сну ихъ вновь укольıхать!

Природа тамъ, полна обвороженья,
Предстанетъ вамъ богиней красоты —

Пожаръ страстей и нѣга упоенья
Явятъ ее во блескѣ наготы!
Тамъ Геніевъ созданья дышатъ чувствомъ,
Тамъ самый мраморъ оживляетъ страсть;
И предъ живымъ чарующимъ искуствомъ —
Тамъ, смертному ницъ должно пасть!

ПАНТЕОНЪ.

Of art and piety — Pantheon! — pride of Rome!
L. Byron.

Великолѣпный простотой,
Искуства образецъ высокой!
Гигантъ, ужасный красотой,
Созданье древности глубокой,
Храмъ всѣхъ языческихъ боговъ,
Юпитеровъ, теперь Христовый —
Кругомъ развалины вѣковъ,
Но величавый и суровый
Ты взносишь гордое чело!
И, тускомъ времени украшенъ,

Неколебимъ ты и безстрашенъ
Стоишь, хоть много протекло
Тысячелѣтій надъ тобою!
Ужель ты простоишь и вѣкъ, —
Межъ тѣмъ какъ къ гробу человѣкъ
Стремится мрачною стезёю?
Желѣзный скиптръ, коса времёнъ,
Крушатся о твои каменья,
Пріютъ искуствъ и поклоненья,
О гордость Рима, Пантеонъ!

Искуствъ остатокъ драгоцѣнный,
Вѣковъ славнѣйшихъ Мавзолей,
Униженный, но совершенный!
Въ твоей оградѣ духъ вольнѣй
И въ сердце льется жаръ священный!
Въ тебѣ достойный образецъ
Найдетъ художникъ любопытный;
Изъ отдаленныхъ странъ пришлецъ,
Твой прахъ стряхая первобытный,
Мнитъ съ восхищенною душой —
Что слава лишь чрезъ куполъ твой
Свой лучь священный ударяетъ!
Сюда и набожность влечётъ
Благочестивый свой народъ
И олтари очамъ являетъ —

На нихъ моленья возлагать;
Но кто пришелъ лишь повидать,
Въ семъ храмѣ Вышняго Владыки,
Творенья Геніевъ — предъ нимъ
Вотъ, украшеньемъ вѣковымъ,
Стоятъ мужей безсмертныхъ лики! —

КОЛИЗЕЙ.

Arches on Arches!
. . . . , . .
Her Coliseum stands.
L Byron *Childe Harold.*

Какія страшныя громады
Воздвигнуты передо мной!
Вотъ надъ аркадами аркады....
Не памятникъ ли вѣковой
Своимъ Героямъ Римъ державный,
Собравъ доспѣхи бранны ихъ, —
Единый, грозный, достославный,
Изъ тріумфальныхъ аркъ воздвигъ?...

То Колизей! на немъ сребрится
Луна богатою парчой,
И вотъ, какъ въ собственный онъ свой
Одѣянъ свѣтъ, красой гордится!
Такъ! только свѣтъ небесный, мнится,
Достойно можетъ освѣщать
Родникъ сей мрачный и угрюмый,
Куда, таинственныя думы
Приходитъ странникъ почерпать,
Тогда, какъ тѣни голубыя
Благихъ Италіи ночей
Скрываютъ частью отъ очей
Его громады вѣковыя!...

Здѣсь мнится самый неба сводъ
Глаголомъ одаренъ гремящимъ —
О вѣчности! вѣковъ полётъ
Скользя надъ міромъ преходящимъ,
На бренныхъ онаго дѣлахъ
Слѣды замѣтно пролагая,
Ихъ освящаетъ, оживляя
Какимъ-то чувствомъ самый прахъ;
Но зданья, кои безпощадно
Полуразрушилъ хищный Рокъ —
Какой-то прелестью отрадной
Развалинъ геній приоблёкъ;

И полныя очарованья,
Тѣмъ величавѣе дворцовъ,
Еще лишь ждущихъ тускъ вѣковъ,
Сіи разрушенныя зданья! —

КЪ КЛИТУМНУ.

О, никогда прекраснѣй волны,
Какъ твой, Клитумнъ, кристалъ живой
И сладострастной нѣги полный,
Наяды незвали младой —
Своей красой полюбоваться
Въ прозрачно зеркальныхъ зыбяхъ,
И въ зной томительный скупаться
Въ ихъ прохладительныхъ струяхъ!

Ты зеленишь сей дернъ прибрежной,
Гдѣ вотъ пасется бѣлый волъ,

Какъ богъ сей влаги безмятежной,
Достойный тишины символъ.
Конечно никогда здѣсь мрачной
Убійства слѣдъ не осквернилъ
Купели чистой и прозрачной
Прекрасныхъ дѣвъ, земныхъ свѣтилъ!

ДВѢ КАРТИНЫ.

УТРО.

Проснулось утро, край небесъ
Каймою пурпура алѣетъ;
Заговорилъ лимонный лѣсъ,
Зефиръ благоуханьемъ вѣетъ.
На пышныхъ зелени коврахъ,
По ихъ живому изумруду
Блестятъ разсыпаны повсюду
Росы алмазы на цвѣтахъ.
Внезапно очи раскрываетъ
Наполитанка ото сна —

И очи дѣвы поражаетъ
Лучь солнца яркій изъ окна:
Дочь Юга солнцу улыбнулась,
Къ Мадонѣ взоры возвела,
Поспѣшно съ ложа встрепенулась
Какъ птичка бодро весела.
Всплеснулась влагою кристальной
И освѣжила цвѣтъ ланитъ;
Въ устахъ коралловыхъ блеститъ
Жемчужинъ дивныхъ рядъ эмальный.
И спѣшно на̀ руку кошель,
Петрарки станцы напѣвая,
Порхнула въ садъ, какъ Аріель —
Неаполитанка молодая.

ПОЛДЕНЬ.

Сквозитъ синѣя небосводъ
Подернутый тлетворнымъ паромъ,
И солнце знойное течётъ;
Земля и воздухъ пышатъ жаромъ!
Но всюду жизнь: холмы горятъ,
Съ долины ароматомъ вѣетъ;
По косогорамъ виноградъ
Пурпурными кистями рдѣетъ.
Но каждый мигъ сильнѣе жаръ...

Кристалы водъ и рощей сѣни
Полудня обхватилъ пожаръ —
Часъ сладостный покойной лѣни!
И вотъ, подъ лиственнымъ шатромъ,
Лучей палящихъ избѣгая,
Остановилась съ кошелемъ
Наполитанка молодая.
И ночи мракъ въ ея очахъ,
И огнь полудня въ нихъ пылаетъ;
А на ланитахъ и устахъ
Какъ винограда пурпуръ таетъ.
Она съ улыбкой лозу гнётъ
Рукой лѣнивою своею,
И вотъ богатой кистью плодъ
Виситъ роскошно передъ нею! —

ЗАЛИВЪ СПЕЦЦІЙСКІЙ.

Sur ce site enchanté, mon ame, qu'il attire,
S'abat comme le cygne et s'appaise et soupire
A cette image du repos;
Que ne peut-elle, ô mer! sur tes bords qu'elle envie,
Trouver comme ta vague un golfe dans la vie,
Pour s'endormir avec tes flots!

A. de Lamartine *Poésie.*

I.

Раздранныя сосны на темени скалъ
Незнаютъ привѣта крылъ легкихъ Зефира;
Иль слышалъ ли кто, чтобъ Орелъ, царь Эѳира,
Любовный когда либо вздохъ испускалъ?

Ты жь хочешь, о лютня! твоими струнами,
Которыя только печалью звучатъ —
Издать звонъ веселый, плѣняясь брегами,
Такъ дивно одѣтыми въ пышный нарядъ!

И хочешь, Эльвиры пѣвцу подражая,
На легкомъ челнѣ, по заливу сему,
Подъ небомъ поэзіи-юга ширяя —
Воспѣть красоты сего милаго края,
Подобно ему!....

II.

О Лютня!... но ужь челнъ готовъ,
И вѣтерокъ попутный вѣетъ!
Сажусь — и двое вдругъ гребцовъ
Схватили весла, челнъ ужь рѣетъ....

III.

Недвижны воды какъ стекло
Въ объятіяхъ лазури дремлютъ,
И цвѣтъ небесъ своихъ пріемлютъ,
Въ кристалѣ отразивъ свѣтло
Ихъ миловидное чело.
Нѣмая тишь! чуть будитъ волны

Грудь выгнутая челнока. . .
Но парусъ развернулся полный —
И дуновенье вѣтерка,
Тлетворный воздухъ освѣжая,
Благоуханіемъ цвѣтовъ
Роскошно льется съ береговъ,
Порывами перелетая.

IV.

Гребцы ударили весломъ —
Взроптала сонная пучина. . . .
Брега бѣгутъ и за рулёмъ
Картину новая картина
Смѣняетъ быстро, — жизнь кругомъ!
И вѣтерокъ своимъ крыломъ
Слегка уноситъ слѣдъ сребристой
За быстро рѣющимъ челномъ
По глади ровной, чистой!

V.

Хоть на мгновенье постоимъ
На сей лазоревой равнинѣ!
Гей! весла нà бортъ! поглядимъ,
Присмотримся живой картинѣ. . . .

Пусть отдохнетъ и быстрый челнъ,
И вздремлетъ снова лоно волнъ;
Зефиръ лишь только пусть колышетъ,
Какъ вздохъ любви невѣсты грудь,
Когда, успѣвъ лишь взоръ сомкнуть,
Она лобзанье друга слышитъ;....
Какъ любо, устремляя взоръ,
Очами слѣдовать прилежно
Вдоль какъ сіяетъ безмятежно
Сей степи зеркальной просторъ! —

VI.

И весла подняты, неплещутъ,
Лишь капли падая шумятъ,
И струйки звѣздочками блещутъ
Гдѣ капли влагу заструятъ....
Гребцы на отдыхѣ сидятъ;
И вѣтерокъ отъ моря вѣетъ
Имъ въ загорѣлое чело —
И лона Специіи стекло
Въ обширномъ очеркѣ свѣтлѣетъ!

VII.

Легко свободно дышетъ грудь.
И вдоволь быстрый взоръ гуляетъ —

То вдаль скользитъ онъ, то желаетъ,
Въ изгибахъ брега потонуть!

VIII.

Какою зеленью пріятной
Одѣянъ холмъ тотъ надъ водой!
Какою нѣгой ароматной
Съ него Зефиръ мнѣ благодатной
Повѣялъ, гость береговой. . . .
Какъ бы нарочно мимолётомъ
Принесъ мнѣ дань съ цвѣтовъ своихъ,
И съ пышущихъ ланитъ моихъ,
И съ орошаемаго пòтомъ,
Чела, натуженнаго мной,
Отвѣялъ сладостнымъ полётомъ
Томительный полудня зной,
И освѣжилъ меня собой! . . .

IX.

Какая чудная картина!
Цвѣтущей рощею кругомъ
Одѣянъ холмъ, и мрачно въ нёмъ —
А золотомъ горитъ вершина,
Красуясь царственнымъ вѣнцомъ!
О, какъ прелестно тамъ отъ зноя

На дернъ главу бы преклонить,
И сердце нѣгой упокоя,
Часы дремотѣ посвятить!...

X.

Куда идетъ извивъ сей длинной
За мысомъ тратяся съ дали?
То не стоятъ ли корабли,
Какъ изъ за сѣти паутинной,
Полузамѣтные очамъ?...
У поворота вижу тамъ
Рябятся мачты... то торговли
Должна быть гавань, то притонъ
Иль портъ военный укрѣплёнъ —
Иль можетъ быть... не береговъ ли
Внизъ опрокинуты лѣса
Въ водахъ рисуются кристальныхъ?...
Такъ! то еще, въ извивахъ дальныхъ,
Блеститъ залива полоса;
И въ ней тамъ тонутъ небеса,
И тополей пирамидальныхъ
Великолѣпная краса! —

XI.

Но вотъ шатромъ густымъ нависли
Съ своихъ утесистыхъ бреговъ,

Картины мрачныя дерёвъ;
Какія сладостныя мысли
Здѣсь навѣваетъ эта тѣнь!...
Привѣтствую благую сѣнь
Прохлады, нѣги, вдохновенья!
Твой пологъ кроетъ наслажденья;
Подъ онымъ умираетъ день,
И только изрѣдка случайный
Лучь проскользнувъ за вѣтеркомъ,
Восколыхнувшемъ листы на нёмъ —
Въ немъ совершаемыя тайны
Внезапно можетъ озарить,
И то — лишь полусвѣтъ пролить!...

XII.

Брега любви! о, какъ отрадно,
Какъ бы повиснувъ на волнахъ,
Подъ вашей сѣнію прохладной —
Душой излиться на струнахъ!

XIII.

Скользитъ по дремлющей пучинѣ,
Какъ ласточка, крылатый челнъ,
Чуть задѣвая лоно волнъ,
Вь кристальной отраженъ равнинѣ....

XIV.

Какъ сладостно на челнокѣ,
Ни бурь, ни грозъ неопасаясь,
Плыть тихо, тихо, колыхаясь,
При легкорѣзвомъ вѣтеркѣ,
Облокотясь на бортъ наклонной,
Подобно пташкѣ утомлённой
Летящей на крылѣ одномъ
Надъ водъ равниной полусонной,
Иль смѣло на сучкѣ сухомъ
Переплывающей пучину. . . .
О любо, отряхнувъ кручину,
И хоть на мигъ одинъ мечтой
Забывшись свѣтлою, игривой,
Вотъ обновленною счастливо
Въ міръ лучшій потонувъ душой —
Вдали житейскихъ треволненій,
Печалей и надеждъ и слезъ,
Пить чашу тайныхъ наслажденій,
Предъ чистымъ зеркаломъ небесъ!

XV.

Но обогнемъ, ребята, живо
Сіи картинные брега!
Гей, снова весла! не лѣниво,

Дружнѣй ударьте! — и строптиво
Подъ быстрой грудью челнока
Взшумѣли волны голубыя,
Услыша веселъ мѣрный плескъ,
И за кормой струится блескъ,
Какъ будто искры огневыя. —

XVI.

Привѣтствую, о Специія, тебя!
Царица-дочь прелестнаго залива!
Изъ лона водъ плѣнительно красива
Возстала ты! привѣтствую тебя!
Такъ, пламенно любя
Изъ сладостныхъ объятій друга,
Когда проглянетъ въ окна день,
Исторгшись юная подруга
Главу подъемлетъ.... нѣги тѣнь
И чувствъ взволнованныхъ остатокъ,
Въ ея лицѣ, въ тоскующихъ очахъ,
Плѣнительный являютъ отпечатокъ
Красы въ таинственныхъ чертахъ! —

XVII.

Твой берегъ ни бранною мѣдью не страшенъ,
Ни камень изломовъ его не крѣпитъ;

Въ замѣнъ крѣпостныхъ бастіоновъ и башенъ —
Цвѣтущею зеленью валъ твой украшенъ,
Тѣнистыми рощами брегъ твой укрытъ!
Широкія волны съ пескомъ лишь златистымъ
Играютъ твоимъ, иль съ подошвой холмовъ,
Подъ тѣнью густою кудрявыхъ кустовъ,
Подъ пышной парчою съ узоромъ цвѣтистымъ;
И, рѣзвясь игривою, шумной толпой,
Тѣ волны цвѣты лишь уносятъ съ собой. —

XVIII.

Но вотъ неподаль отъ этихъ красиво
Цвѣтущихъ и рощей и злачныхъ холмовъ,
Возносится Генуа пышно, кичливо!
Высокія главы огромныхъ дворцовъ
Въ Эфиръ прорѣзаются, златомъ сіяя;
Ихъ пышные своды, жилища царей,
Сдается на воздухѣ тяжестью всей
Висятъ, какъ прикованы, взоръ изумляя;
Подъ тѣсной станицей ея кораблей
Едва лишь мелькаетъ вода голубая,
Волнуется въ гаваняхъ шумный народъ,
На берегъ богатства земель выгружая,
Которыя міръ ей несетъ
Обычною данью, какъ рабъ униженный. . .

Какимъ исполиномъ она возрасла, —
Надменная Генуа, маньемъ жезла
Господствуя такъ надъ вселенной!

XIX.

А ты?... сестра ей, — какъ она, дочь водъ,
И волны васъ поятъ однѣ и тѣ же —
Чтожь? по твоей скользятъ пучинѣ рѣже:
По ней лишь челнъ рыбачій промелькнётъ!
И рѣдко гдѣ ты парусъ одинокой
Подстережешь у береговъ своихъ,
Куда порой, укрыться въ зной жестокой,
Взываетъ тѣнь пещеръ и рощей ихъ!...

XX.

Но утѣшься! — Надменная Генуа эта,
Чья нѣкогда слава до міра концовъ,
Изумленьемъ была всего почти свѣта,
Соперница Тира, дочь эта боговъ,
Сей градъ знаменитый
Теперь позабытый,
Стыдится себя —
Тѣнь только своя!

XXI.

Но, ахъ! пора уже проститься съ вами, —
Кристальная равнина тихихъ водъ,
Обхвачена столь милыми брегами;
И надъ главой лазурный неба сводъ,
Лелѣемый столь ясными водами!

XXII.

Ужь западъ пурпуромъ обливъ,
Пожаромъ солнце догараетъ,
И берегъ дальній и заливъ
Лучемъ прощальнымъ позлащаетъ;
И постепенно гаснетъ день,
И, поглащая непримѣтно
Отливъ мерцанья разноцвѣтной,
Ложится голубая тѣнь!

XXIII.

И такъ! направимъ путь къ скалѣ той величавой!
Чье древнее чело, надъ дремлющей водой,
Полуразрушенной увѣнчано стѣной;
Смиряя бурь напоръ отъ сѣвера со славой,
Она любуется заливомъ голубымъ,

Его спокойную равнину
Навѣсомъ оградивъ своимъ —
Взберемся на ея вершину,
Привѣтливый поклонъ Венерѣ воздадимъ!

XXIV.

Увы! сокрылися прелестныя картины!
Нѣтъ болѣе холмовъ блестящихъ красотой!
Обломки лишь одни утесовъ и руины
Лежатъ у ногъ моихъ; а тамъ, надъ головой,
Скалъ рёбра высятся нагія предо мной!...
Взобрался.... кончено! достигнулъ я вершины;
Возсѣлъ и духъ перевожу,
Гдѣ даже тучи не кочуютъ,
Гдѣ бури лишь однѣ бушуютъ!
Гляжу —
Передо мною небосводъ широкой
Въ объятья землю обхватилъ;
Но долу взоръ я опустилъ —
И съ ужасомъ погрузъ онъ въ пропасти глубокой!

XXV.

Могильное безмолвіе кругомъ!
До сихъ высотъ шумъ волнъ недосягаетъ;

Орелъ на семъ ихъ оставѣ нагомъ
Избрать себѣ жилища недерзаетъ;
И Филинъ ихъ пріютовъ избѣгаетъ,
Страшася тьмы въ ихъ лонѣ гробовомъ!

XXVI.

Но вдругъ — что за шумъ, какъ напѣвъ однозвучной,
Заносится вѣтромъ ко мнѣ?
Чу! точно, какъ бы изъ подъ стопъ вотъ скалы сей затучной,
Подъемлется стонъ въ роковой тишинѣ...
То пѣснь Рыбака! въ челнокѣ одинокой
Теперь закидаетъ на безднѣ глубокой
Онъ сѣти свои;
И голосъ свой съ вѣтра дыханьемъ сливаетъ,
Который въ сей мертвой тиши,
Съ собой унося его, перерываетъ,
И только несвязные звуки сей пѣсни ночной
Взвѣваетъ ко мнѣ онъ съ пучины одѣянной тьмой!

Пѣснь Рыбака.

*

Ея ужь нѣтъ! Маріи нѣжной, милой!
Прощальной дѣвы нѣтъ!
Любовь ей стмила свѣтъ;
Любовь ея водъ лоно схоронило!

И съ той поры, дробясь валы
О сихъ утёсовъ стѣны,
Въ часъ поздней тьмы, въ туманѣ мглы,
Твердятъ при шумѣ пѣны:
Покинула Марія свѣтъ!
Прощальной дѣвы нѣтъ!

✲

Вѣтеръ парусъ надувалъ;
И пловцовъ веселый сонмъ,
Пѣснью шумною встрѣчалъ,
Поднимавшейся изъ волнъ,
Появленіе звѣзды,
Первой ночи красоты.

✲

Гисфельдъ былъ на кораблѣ,
Плывшемъ къ Греціи брегамъ;
Съ думой грозной на челѣ,
Шелъ онъ мстить Креста врагамъ;
Шелъ карать онъ Музульманъ —
За гоненье Христіянъ.

✲

Ужъ корабль велѣнья ждалъ,
Сняться съ якоря хотѣлъ;

Гисфельдъ дланью мечь сжималъ,
Отплывать уже велѣлъ. . . .
Но вдругъ очи поднялъ онъ —
Плачемъ взоръ его смущёнъ.

*

Подлѣ витязя въ слезахъ,
Съ наклоненною главой,
Дѣва въ пламенныхъ рукахъ
Жала длань его съ тоской;
Такъ къ холму, его обвивъ,
Жмется блѣдный листъ оливъ!

*

О Марія! другъ! прости!. . .
Онъ сказалъ и замеръ звукъ;
И Марія, крестъ съ груди
Отцѣпляя — милый другъ!
Говорила: на, возьми!
Сохранитъ онъ дни твои!

*

Онъ на сердцѣ у меня
Крестъ Спасителя лежалъ,
Въ немъ надежда вся моя,
Онъ притупитъ злой кинжалъ,

Остановитъ злой свинецъ;
Онъ вѣрнѣй чѣмъ кладенецъ!

✲

«Если жь. . . .« но ее влекутъ;
Взрыды крикъ ея глушатъ;
Слезы жаркія текутъ;
Дѣва падаетъ на скатъ;
Взоръ дичится, мраченъ онъ;
И разсудокъ потрясёнъ!

✲

Между тѣмъ ужь по волнамъ
Вѣтръ ея надежду мчитъ
Быстро къ Греціи брегамъ,
И корабль стрѣлой летитъ
Отъ родныхъ и милыхъ мѣстъ,
При сопутствованьи звѣздъ.

✲

И Марія собрала
Вотъ еще остатокъ силъ;
Очи мутны возвела, —
Но корабль уже сокрылъ
Отъ неé мракъ сѣрой мглы,
И о брегъ шумятъ валы

»Такъ! еще хочу я разъ
Увидать корабль драгой,
Похищенный ужь глазъ
Бездны лютою волной!
Я хочу....« и зарыдавъ
Дѣва кинулась стремглавъ;

*

И бѣжитъ на верхъ скалы
И достигла.... и подъ ней —
Далеко, въ туманѣ мглы,
Лоно стелется зыбей;
И какъ, звѣздочка чуть зримъ,
Парусъ вдаль бѣжитъ по нимъ.

*

Дѣва видитъ — и простря
Руки радостно свои,
Какъ бы въ слѣдъ за нимъ паря,
За бѣлѣющимъ вдали,
Съ крикомъ бросилась.... и въ мигъ
Въ безднахъ скрылась роковыхъ!

*

И нѣтъ ея! Маріи нѣжной, милой!
Прощальной дѣвы нѣтъ!

Любовь ей стмила свѣтъ;
Любовь ея водъ лоно схоронило!
И съ той поры, дробясь валы
О сихъ утесовъ стѣны,
Въ часъ поздней тьмы, въ туманѣ мглы,
Тверятъ при шумѣ пѣны:
Покинула Марія свѣтъ!
Прощальной дѣвы нѣтъ!

БАРКАРОЛЛА.

Gondolier la mer t'appelle.

Delavigne.

Ложе нѣги покидая
Гондольеръ воспрянь скорѣй!
Ужь стихія голубая
Ждетъ давно тебя съ ладьей.
Торопися, не лѣнися,
Утра бѣлаго не жди;
Съ милой родиной простися,
Съ богомъ въ дальній путь лети!

Прости, Венеція! съ тобою
Разстаться мнѣ велятъ!

Пусть Маркъ съ Мадоною святою
  Тебя благословятъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною святою
  Меня въ пути хранятъ!

О подруга молодая!
Слезъ не лей, уйми свой страхъ:
Богородица святая
Со младенцемъ на рукахъ
Намъ вѣнокъ сплетаетъ брачный,
И увьетъ имъ чёла намъ;
Лишь бы путь свершить удачно
И назадъ къ роднымъ брегамъ!

Прости, Венеція! съ тобою
  Разстаться мнѣ велятъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною святою
  Тебя благословятъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною святою
  Меня въ пути хранятъ!

Если, лавры пожиная,
Уцѣлѣю на войнѣ,
И подруга молодая
Все вѣрна пребудетъ мнѣ;
Бѣлой лильею Мадону

Воротяся подарю;
Покровителя икону,
Лавромъ свѣжимъ обовью!

Прости, Венецiя! съ тобою
Разстаться мнѣ велятъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною святою
Тебя благословятъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною святою
Меня въ пути хранятъ!

ПАМЯТИ ЛАУРЫ.

Chiare, fresche e dolce aque.
PETRARCA.

О свѣтлыя, чистыя, сладкія воды!
Въ чьей зеркальной влагѣ Лаура купала
Свой ангельскій образъ въ полуденный зной;
И ты, деревцо, чадо южной природы;
Подъ чьими листами она отдыхала;
И дернъ, на который склонялась главой:
Привѣтствую васъ, украшенья святыни
Взлетѣвшей на небо Богини!

О лугъ, по которому ножкой младою
Не разъ пролетала, алмазную росу
Свѣвая эфирной одеждой своей;
Вы, травки, цвѣты, вы, которыхъ порою
Свивала ль вѣнками, вплетала ли въ косу,
Пучечкомъ ли грудь украшавшія ей;
И васъ я, хранимыхъ досель Провидѣньемъ,
Привѣтствую съ благоговѣньемъ!

Такъ! лугъ изумрудный и лавръ, ей любезный,
И воды, изъ чистой журчащія урны,
По дну золотому, по дивнымъ цвѣтамъ; —
Быть можетъ и нынѣ, сей житель небесный,
Она, покидая свой теремъ лазурный,
Еще низлетаетъ, по прежнему, къ вамъ!
Съ которыми только для *неба* разсталась,
И славы вѣнцомъ увѣнчалась!

ТАССЪ.

Pleurons sur ses malheurs et relisons les vers
qu'il soupira dans ce lieu même.

PARNY *Elégie VI*.

Въ жилищѣ семъ глубокой тьмы,
Въ печальныхъ нѣдрахъ сей тюрмы,
Кто онъ? преступникъ сей въ цѣпяхъ?
Онъ слезы льетъ.... на сихъ стѣнахъ
Стихи, начертанные имъ,
Пылаютъ чувствомъ огневымъ....
Ахъ! то Герминіи пѣвецъ,
То Тассъ, то геній.... но, Творецъ!

Уже безумецъ Геній онъ,
Судьбою бѣдственной сраженъ!
Лишь сердце съ гибельнымъ огнёмъ
Да грусть порою о быломъ —
Одни оставлены ему,
Сему погасшему уму!

ЛЕМАНЪ.

(*Женевское озеро*).

Couvert de sa voile blanche
La barque sous son mât qui penche
Glisse et creuse un sillon mouvant.
A. de Lamartine.

Lo giorno n'andava, e l'aer bruno
Toglieva gli animai che sono'n terra
Dalle fatiche loro.
Dante.

Лемàнъ! Лемàнъ! твой ликъ спокойно-ясный
Мнѣ какъ бы вѣсть сладчайшую несётъ,
Что вотъ и міръ — сей океанъ ненастный,
Покину я, для лучшихъ, чистыхъ водъ!

И въ парусѣ, подъ коимъ быстробѣжно
Браздитъ мой челнъ лазурное чело —
Мнѣ видится надежное крыло,
Которое, отъ жизни сей мятежной
Меня отторгнувъ, въ міръ умчитъ иной!...
Любилъ я волнъ свирѣпый ревъ и клокотъ;
Но твой, Леманъ, сереброзвучный ропотъ —
Какъ бы сестры мнѣ голосъ дорогой,
Въ которомъ я укоръ внимаю правый,
Что полюбилъ столь дикія забавы!

II.

Ложится ночь — и тишина кругомъ!
Отъ береговъ до цѣпи горъ окрестныхъ
Все въ сумракѣ теряется сѣдомъ;
И мигъ еще — во мракахъ повсемѣстныхъ
Сокроется, слія́сь въ одинъ предметъ;
Ужь и теперь вершины Юры мутно
Виднѣютъ тамъ, одѣты въ сизый цвѣтъ;
И различать труднѣй ежеминутно....
Какъ сладостно дыханіемъ цвѣтовъ
Дохнуло вдругъ съ зеленыхъ береговъ!
И что за тишь! паденье капель внемлю,
Какъ сыплются съ подъятаго весла!
Тамъ жукъ жужжитъ.... и вотъ густая мгла
Подернула поверхность водъ и землю!

III.

Зажглися звѣздъ вѣнцы надъ головой,
Поэзія небесъ! о книги міра
Блестящія страницы! къ вамъ душой
Стремлюся я, о Свѣточи эфира —
Читать судьбы людей и царствъ земныхъ!
Даруйте мнѣ, что грань переступаю,
И возношусь къ вамъ отъ суетъ мірскихъ: —
Теперь я слиться съ вѣчностью желаю!
Таинственной сіяя красотой,
Вы льете въ грудь любовь и вдохновенье —
И слава, жизнь, себѣ въ символъ святой,
Избрали васъ, о ночи украшенье!

IV.

Земля и небо тонутъ въ тишинѣ....
Но то не сонъ: они, сдается, дышатъ
Какъ человѣкъ, изнеможенъ въ войнѣ
Упорныхъ чувствъ, которыхъ раскольшатъ
Усилія бунтующихъ страстей;
И тожь какъ онъ, въ то время погруженный
Въ пучинѣ думъ — безмолвствуютъ, нѣмѣй,
Чѣмъ сонъ скалы въ пустынѣ усыпленной!
Такъ! весь эфиръ и милліоны звѣздъ,
Цѣпь мрачныхъ горъ и дремлющія воды —

Все, какъ бы въ мысль одну сліясь окрестъ,
Благоговѣетъ предъ Творцомъ природы!
О, въ это мы мгновенье не одни:
Душою тонемъ въ чувствѣ созерцанья,
И съ благомъ благъ, кто правитъ наши дни,
Сливаемся въ цѣпи Его созданья!

V.

Какъ высока мысль древнихъ Персіянъ —
На высотахъ свои престолы ставить;
На темѣ горъ, въ виду небесныхъ странъ,
Предвѣчнаго взывать, молить, и славить!
Въ святилищѣ безъ суеты, безъ стѣнъ —
Лишь міра храмъ достойнымъ признавая,
Созданія рукъ смертныхъ презирая,
Сіи предъ нимъ — ничтожество и тлѣнъ!
Сравни Эфиръ и Землю, смертный гордый!
Сей храмъ вѣковъ неколебимо-твёрдый
Съ святынями; созданными тобой!
Сравни — и ты свои оставишь стѣны,
И, убѣждёнъ, приклонишь ты колѣны,
Въ молитвы часъ, предъ Выси широтой!

VI.

Но небо видъ свой измѣняетъ въ новый —
Величія картина предо мной!

Гроза сливаетъ ужасъ свой суровый
Съ ужасною всемiрной ночи тьмой.
Но милъ онъ мнѣ, сей ужасъ тьмы глубокой
Съ пылающимъ Эфиромъ подъ грозой —
Какъ взоръ съ огнемъ у дѣвы черноокой,
Плѣнительный таинственной красой!
Вдали гремитъ и вторятся раскаты,
Какъ дикiй хохотъ по ущельямъ горъ, —
То съ Юрой Альпы, черной мглой объяты,
Ведутъ съ собой разгульный разговоръ!

VII.

Повсюду ночь. — О дивная ночь славы!
Ты не для сна обречена судьбой!
Почто бъ твои мнѣ дикiя забавы
Нераздѣлять, и съ бурей и съ тобой
Неслиться мнѣ, тлѣнъ отряхнувъ земной?
Все озеро отъ молнiй пламенѣетъ,
Какъ фосфора горящiй океанъ;
Дождь ливнемъ льетъ, ревъ бури свирѣпѣетъ. . .
И снова въ тьмѣ и небо и Лиманъ!
Лишь голосъ горъ ужасно раздается,
Порывами внезапными вдали —
Какъ будто адъ разверзшiйся смѣется,
Что часъ насталъ трясенiя земли!. . .

VIII.

Между двухъ скалъ прорвалась Рона съ ревомъ!
Такъ два сердца вражда вдругъ разлучитъ,
Когда любовь замѣнитъ ревность гнѣвомъ;
И ихъ ничто уже не съединитъ, —
Хотя въ нихъ ядъ отчаянья вскипаетъ!
Сама любовь ревнивый гнѣвъ внушаетъ,
Который цвѣтъ ихъ юности мрачитъ;
Потомъ бѣжитъ и въ сихъ жилищахъ хлада
Вслѣдъ за собой бросаетъ, съ скукой зимъ,
Гласъ совѣсти, неумолимѣй ада,
Терзающій мученьемъ роковымъ!

IX.

На этихъ-то гранитныхъ Исполинахъ
Сей голосъ бурь свирѣпѣйшихъ гремитъ!
На ихъ-то тамъ заоблачныхъ вершинахъ
Бой Ураганов яростныхъ кипитъ!
Оттуда-то *ужаснѣйшій* громами,
Какъ градомъ стрѣлъ, съ однѣхъ и тѣхъ же мѣстъ,
Безъ устали разитъ — и вотъ окрестъ
Все пустошитъ небесными огнями!
Какъ будто бы уполномоченъ онъ
Самимъ творцомъ на казнь земнаго рода —
Несетъ пожаръ и смерть, ожесточенъ,
И рубежи колеблетъ небосвода!

X.

Понятны вы моей душѣ младой, —
Утёсы, небо, вѣтры, бурной Роны воды,
И озеро и молній блескъ живой!
Ночь, тучи громъ, вы ужасы природы,
Вливаете мнѣ вдохновенье въ грудь!
Далёкій гулъ грозы — мнѣ голосъ внятной,
Взывающій ко мнѣ неоднократно,
Когда хочу на мигъ я отдохнуть!
Но гдѣ, о буря! отдыхъ ты находишь?
Иль ты, какъ бури грозныя страстей,
Безъ отдыха бунтующая бродишь?
Иль какъ орлы, ты къ пристани своей —
На высоты, отстранствовавъ уходишь?

XI.

Когда бы могъ я мыслямъ образъ дать;
Когда бы могъ найти имъ выраженье,
И душу, сердце, умъ, страстей волненье,
И пламень чувствъ, и муки всѣ собрать —
И словомъ ихъ единымъ описать;
И слово бы сіе подобно было
Глаголанью грохочущихъ громовъ —
Вѣщалъ бы я! но — съ тайной, сынъ оковъ,
Живу и съ нею жь поглощусь могилой!...

**

Какъ мечь въ ножнахъ, мысль у меня, безъ словъ,
Осуждена скучать въ душѣ унылой!

XII.

Зажглась заря увлажена росой;
Пріятнѣйшимъ благоуханьемъ дышетъ;
Лице ея багрянцемъ розы пышетъ;
Ея улыбка гонитъ тучи съ тьмой —
И всюду свѣтъ и жизнь отрады льется!
Какъ будто бы и не было могилъ
Въ груди земной: такъ видъ прелестно милъ!
Такъ радостно всё смотритъ и смѣется!...
Опомниться еще я не могу
И продолжать пути существованья!
Еще, Лиманъ! прикованъ на брегу
Стою твоемъ — и, полнъ очарованья,
Смотрю на твой великолѣпный видъ!
О сколько вдругъ предметовъ для мечтанья
Моимъ очамъ недвижнымъ предстоитъ,
Вливая въ грудь восторгъ и упоенье...
Какъ съ вами жаль разстаться на мгновенье!!...

АЛЬПЫ.

Твердыни гордыя природы!
Отъ незапамятныхъ вѣковъ,
Себѣ считающія годы!
Въ вѣнцахъ снѣговъ и облаковъ,
Главы подъемлющія гордо
Подъ сводъ лазоревый небесъ,
Стопами упершися твёрдо
На грудь земли, одѣты въ лѣсъ
И темносизые туманы,
Какъ въ плащъ волнующейся мглы,
Нѣмые міра великаны,
Вѣкамъ священныя скалы —

Взношусь я мыслію съ орлами
На ваши грозные верхи!
Лишь тамъ, надъ бурями съ громами,
Земные отряхнувъ грѣхи,
Поэтъ, какъ Серафимъ безплотной,
Ударитъ смѣло по струнамъ,
И гимнъ свободы безотчётной
Взгремитъ онъ чистымъ небесамъ!

⸻

ИСПАНКѢ.

Плѣнительны очи твои голубыя,
Въ нихъ чистой лазурью сквозятъ небеса;
Подъ влагой кристальной, любви то роса,
Таинственно томны ихъ взоры живые;
Плѣнительна вся твоя, дѣва, краса!
Уста пурпуровыя нѣгою дышатъ,
Въ улыбкѣ ихъ страстной желанье горитъ,
И пышетъ огнемъ отъ цвѣтущихъ ланитъ;
Лебяжія перси восторги колышатъ;
Власы, разсыпаяся черной волной
По шеѣ блестящей снѣговъ бѣлизной, —
Разительно спорятъ, какъ съ свѣтами тѣни,

Подъ кистью художника смѣло-живой;
Станъ гибкій, воздушный... дочь нѣги и лѣни,
Сама̀ Одалиска ничто предъ тобой,
О гордость и слава родимаго края!...
Но ты не одинъ талисманъ красоты —
Въ себѣ проявляешь, богиня земная:
И мужествомъ доблестнымъ дивная ты! —

ГЕНІЙ.

Les yeux sur le soleil, les ongles sur la foudre,
Il dit à ces serpens qui rempent dans la poudre,
Que suis-je? repondez!»

C. Delavigne.

Видалъ ли буйнаго Орла,
Чей тронъ — высокая скала,
Чье царство высота лазури?
Онъ имъ родной, онъ къ нимъ привыкъ,
И гордо свой сливаетъ крикъ
Съ громами тамъ и съ воемъ бури!
Неоскверняетъ онъ когтей
Въ болотныхъ лужахъ, гордый споромъ,
Какой ведетъ онъ съ раннихъ дней

Отважно съ солнцемъ, смѣлымъ взоромъ
Встрѣчая блескъ его огней! —

Суровъ, величественъ, высокъ,
Природой созданный чертогъ,
Сего пернатыхъ властелина!
Надъ ледниками снѣжныхъ скалъ
Онъ для себя чертогъ избралъ;
И нестрашна ему лавина
Снѣговъ спадающихъ вокругъ!
Тамъ чадъ своихъ лелѣетъ нѣжно,
И, чуть одѣлись въ легкій пухъ, —
Передаетъ онъ имъ прилежно
Свой родовой безстрашья духъ.

Вотъ, Геній! вотъ онъ — образъ твой!
И ты будь бодръ, хоть надъ главой
Висѣли бъ тучи съ ихъ громами!
Когда жь порою дерзскій гадъ,
Твоихъ алкая юныхъ чадъ,
Въ гнѣздо, случайными судьбами,
Къ тебѣ незванный заползётъ —
Онъ тамъ, барахтаясь напрасно,
Въ когтяхъ самихъ птенцовъ падётъ!
Вашъ пиръ — борьба! ее всечасно
Орлиный вашъ пируетъ родъ.

Такъ! смѣло жь, доблестный орёлъ,
Расправь ты крылія, на долъ
Необращая болѣ ока!
Стремися къ солнцу въ высоты,
Къ истоку свѣта, красоты,
И, презирая бури Рока,
Ты въ полной силѣ дай познать
Себя Свѣтилу и Перунамъ;
И, Бардъ, непреставай брящать
По вѣковѣчной арфы струнамъ,
И славу силой исторгать!

Она, въ борьбѣ разодрана,
Какъ послѣ боя знамена,
Еще прекраснѣй — лоскутами!
Какъ то свѣтило съ огневымъ,
Красивымъ бунчукомъ своимъ,
Обогащается огнями
Въ пути встрѣчаемыхъ міровъ —
И геній твой такъ увлекаетъ
Потоки мыслей, сынъ вѣковъ,
И исполиномъ протекаетъ,
На зло враждѣ земныхъ сыновъ! —

ГАРМОНІЯ.

L'harmonie est l'ame des cieux.
A. de Lamartine.

Гармонія была отъ вѣка,
И есть и будетъ до конца —
Законъ незыблемый Творца!
И какъ была до человѣка,
На небесахъ и на земли —
Тажъ и доднесь, хотя легли
Вѣковъ ужь тысячи, какъ зримый
Стоитъ сей міръ, Творцемъ хранимый!

Гармонія, въ часы ночей —
Когда на горнемъ океанѣ,
Какъ бы за дымкою, въ туманѣ,

Мерцаютъ тысячи огней;
Иль досягаемые взоромъ,
И безъ тумана, въ высотахъ,
Вращаются урочнымъ хоромъ,
Пылая въ пламенныхъ вѣнцахъ.

Гармонію мы, раннимъ утромъ,
Встрѣчаемъ въ зрѣлищѣ зари,
Когда бѣлѣя перламутромъ,
Плывутъ вотъ облачка два, три,
Такъ дружно, будто братъ за братомъ,
Въ краяхъ блистающія златомъ!

Гармонія и бѣлымъ днёмъ —
Когда златится, средь эфира,
Великолѣпный свѣточь міра
На сводѣ свѣтло-голубомъ.

Гармонію мы въ листьяхъ слышимъ, —
Когда, вечернею порой,
Прохладой въ тихой рощѣ дышемъ,
Осеребряемы луной.

Гармонія ко сну насъ клонитъ,
Подъ тихій говоръ ручейка;
Гармонія — когда застонетъ

И буря, сдвинувъ облака,
И грозная взреветъ рѣка.

Но намъ понятнѣй, если дѣва
Пробудитъ струны подъ рукой,
И пѣснь любимаго напѣва
Намъ пропоетъ она съ душой —
Тогда ее мы внятно слышимъ,
И какъ въ волнахъ мы тонемъ въ ней...
Одною ею только дышемъ,
И забываемъ міръ, людей!

Но есть Гармонія иная!
Та, дивной прелестью своей,
Живѣй восторги разливая,
Еще намъ ближе и слышнѣй
Въ груди трепещущему сердцу!
Она — Поэзія! Любовь!
И, тайно въ немъ волнуя кровь,
Понятна только одновѣрцу,
Профанамъ, чуждая она,
Непостижима и смѣшна —
Какъ выраженье » сердца струны «
Смѣшно для классика въ очкахъ,
И такъ таинственно, какъ руны
На Гооскихъ камняхъ и столпахъ! —

МОГУЩЕСТВО

ПѢСНОПѢНІЯ.

Потокъ, усиленный дождями,
Стремится съ громомъ со скалы,
Исъ горъ обломки съ деревами
Уносятъ бурные валы.
И, ужаса святаго полный,
Сталъ путникъ. Внемлетъ и глядитъ.
Онъ слышитъ, какъ бушуютъ волны, —
Отколь? — незнаетъ! такъ гремитъ
Потокъ и пѣсни; но истока
Невидно звучнаго потока.

Подъ властью грозныхъ силъ влекущій
Дни жизни тихой чередой,
Кто не признаетъ скиптръ могущій
Волшебныхъ звуковъ надъ собой?
Кто устоять предъ ними можетъ?
Пѣвецъ, какъ нѣкій чародѣй,
Надъ сердцемъ властвуя, тревожитъ
Въ немъ чувства тростію своей:
То адъ разверзнетъ подъ стопою,
То мчитъ насъ въ небеса съ собою!

Что если, быстрыми шагами,
Таинственно нежданный вдругъ
Взойдетъ, низпосланъ небесами,
Ужасный Рокъ въ веселый кругъ? —
Предъ гостемъ изъ другаго міра
Земли величье ницъ падётъ,
Умолкнетъ шумъ и грохотъ пира,
Съ лица личину всякъ сорветъ,
И Ложь предъ Истиной могучей,
Развѣется какъ прахъ летучій....

Такъ, если грянетъ пѣснопѣнье —
И смертный броситъ суеты;
Преобразивъ въ духовность тлѣнье,
Паритъ невольно въ высоты,

И тамъ съ небеснымъ онъ роднится;
Земное изъ подъ стопъ бѣжитъ,
Къ нему приблизиться страшится;
Страсть никакая не плѣнитъ,
И грусти онъ незнаетъ муки, —
Пока чаруютъ пѣсни звуки.

И какъ съ горючими слезами,
Съ родною долго разлученъ,
Ребенокъ съ жадными устами
На грудь падетъ къ ней, возвращёнъ —
И пѣснь такъ, изъ чужбины душной
Страстей и суеты мірской,
Любимца бѣглаго радушно,
Подъ кровъ невинности младой, —
Родной природѣ возвращаетъ,
И отъ суетъ разогрѣваетъ!

ТАНЦЫ.

Siehe, wie schwebenden Schritts im Wellenschwung sich die Paare
Drehen! den Boden berührt kaum der geflügelte Fuß.

Schiller.

Не въ міръ ли занесёнъ фантазіи чудесной....
Вотъ блеска океанъ волнуется кругомъ,
Вотъ звуки слышатся гармоніи небесной —
И рой Сильфидъ живымъ свивается вѣнкомъ!

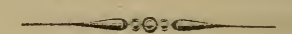
Какъ рой духо̀въ, красой блистая,
Въ полуэфирныхъ пеленахъ,
Воздушныхъ дѣвъ взвилася стая,
Пархаетъ, кружится; въ очахъ
Сверкаетъ юное веселье....

Пируютъ жизни новоселье,
Восторгамъ тайнымъ преданы!
И такъ ихъ души молодыя,
И такъ сердца ихъ огневыя,
Упоены, разожжены —
Что міръ земной несуществуетъ
Для ихъ фантазіи живой:
Ихъ міръ таинственный чаруетъ;
Въ немъ тонетъ мыслью и душой
Ихъ свѣтлый мотыльковый рой!

Блаженъ — кто, танцами взволнованъ,
Имъ посвящаетъ свѣтлый мигъ!
Но не одинъ онъ очарованъ,
Въ восторгахъ тая огневыхъ:
И тотъ блаженствуетъ кто, мнится,
Какъ бы чуждаясь благъ земныхъ,
Отъ легкихъ роевъ устранится,
Безмолвенъ, хладенъ и угрюмъ,
Участья въ жизни не пріемля,
Въ пучинѣ тонетъ тайныхъ думъ. . .
Блаженъ и онъ! душою внемля,
Онъ звукамъ музыки земной —
И дѣвъ, въ безпечности счастливой,
Предъ нимъ віющихся игриво
Воздушно-легкою толпой,

Ловя несытыми очами
Онъ упивается мечтами,
И предается всей душой
Огню Поэзіи святой!...

О танцы! нѣкогда и я съ очарованьемъ
Себя вамъ посвящалъ! — а нынѣ въ сторонѣ
Обворожаюсь я глубокимъ созерцаньемъ
Прелестныхъ призраковъ, при звукахъ сладкихъ мнѣ!

ОБЛАКО.

Vois, pour orner le soir ce matin il est né.
VICTOR HUGO.

Откинувъ кудри золотыя
Отъ свѣтлоюнаго чела,
На небеса бы голубыя
Ты очи, дѣва, возвела!

Вотъ облако, какъ лебедь сонный,
Плыветъ по высямъ голубымъ;
Бѣлѣй чѣмъ снѣгъ, лишь окайменный
Отливомъ солнца золотымъ!

Въ его прекрасномъ, свѣтломъ лонѣ,
Нѣтъ ни грозы, ни ярыхъ бурь:
Но отъ него на небосклонѣ
Еще красивѣе лазурь.

О, какъ блеститъ оно богато
Цвѣтами юности твоей:
Вотъ бѣлизна твоя, вотъ злато
Твоихъ раскинутыхъ кудрей!

Дыханье радостнаго утра
Его колышетъ средь небесъ,
Но зри! ужь слитокъ перламутра
Въ *эфиръ* растаялъ — слѣдъ исчезъ!...

Когдабъ и юность протекала
Такъ безмятежно.... и во слѣдъ —
Лишь небо сердцу оставляла,
Пригрѣта солнцемъ пылкихъ лѣтъ!

ТРИ КАПЛИ.

Три горькихъ капли подмѣшала
Судьба намъ въ жизненный сосудъ!
Тѣ капли, ядовитѣй жала
Всѣхъ гадовъ злѣйшихъ, — сердце жгутъ.

Одна — какъ нектаръ сладкій, чистый,
Какъ небожителей любовь, —
Земная страсть, какъ ядъ огнистый
Сжигающій младую кровь!

Другая — чувство то земное,
Когда, тѣмъ ядомъ прожжены,

Мы любимъ существо святое!
Любви жь взаимной лишены.

И третья — та на днѣ сосуда,
Всѣхъ капель слаще — месть она!
И всѣхъ убійственнѣй, покуда
Не всё осушимъ мы до дна! —

Безъ сихъ трехъ капель жизни нашей —
Земной нашъ, довременный бытъ,
О, былъ бы праздничною чашей,
Какою каждый дорожитъ!

Устъ отъ нее не отрывая,
Мы пили бъ медленно, до дна
Всѣхъ радостей не испивая,
И ждали бы съ улыбкой сна —

Той непробудной, вѣчной ночи,
Когда, сосудъ сей осушивъ,
Сомкнемъ сомнительныя очи,
И зло и благо позабывъ!...

ДѢВА.

Языкъ души безъ ухищренья
И дѣвы умъ свѣтлѣй стекла —
Пока еще безъ обольщенья
Катится жизнь ея свѣтла.

О! счастливъ кто, наперсникъ сердца,
Ей жизнь и радость посвятитъ!
Она въ немъ узритъ одновѣрца,
И небо ихъ благословитъ.

Сосудъ небесной благодати
Младая дѣва на землѣ,

И оттискъ Творческой печати
Сіяетъ на ея челѣ!

Съ симъ воплощеннымъ Серафимомъ
Ты будешь счастливъ, сынъ земли!
Но въ небѣ неисповѣдимомъ
Самъ прежде душу закали! —

НОЧЬ.

C'est une nuit d'été ...
A. de Lamartine.

Обрядъ вѣнчальный совершился —
Земля супруга Небесамъ!
И тихій вечеръ низпустился
На велелѣпный Міра храмъ.

Едва на купола карнизы
Паникадило пурпуръ льетъ,
И гаснетъ. И вотъ сумракъ сизый
Ложится на лазурный сводъ.

**

На клиросахъ дубравъ тѣнистыхъ,
Замолкли гимны. . . . только я
Пою, въ восторгахъ сердца чистыхъ,
О ночь прелестная, тебя!

Какая сладкая прохлада
Изъ урны неба пролилась! . . .
И перламутрная лампада,
Творцемъ затеплена, зажглась.

И мурра, дня согрѣта жаромъ,
Изъ чашъ цвѣточныхъ къ небесамъ
Клубясь, благоуханнымъ паромъ,
Природы окуряетъ храмъ.

Межъ тѣмъ лазурный куполъ міра
Задернулся надъ головой
Звѣздистой ризою эфира, . . .
И ночь ложится тишиной. . . .

Я палъ, въ восторгѣ, на колѣни,
Передъ Природы алтаремъ
И на цвѣтущія ступени,
Поникъ пылающимъ челомъ! —

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Страница 16.

Влетаетъ рѣзво, какъ летучій,
Какъ бабочекъ крылатый рой,
Прекрасныхъ Алиме станица.

Алиме. *Книга* I.

Ces prêtresses de la volupté, qu'on appele *Almés* ou *savantes*, ont merité ce dernier nom par l'éducation qu'elles ont reçue, et qui est plus soignée que celle des autres femmes; pour être agrégé parmi elles, il faut avoir une belle voix, bien posséder sa langue, et pouvoir, sur le champ, composer et chanter des couplets adoptés aux circonstances. Il n'est point de fêtes sans ces Almés, point de festins dont elles ne fussent l'ornement; après y avoir chanté, elles exécutent de petits ballets pantomimes, dont les mystères de l'amour fournissent ordinairement le sujet.

Les Bayadères, ces danseuses de l'Inde, dont l'abbé Raynal a parlé avec tant de complaisance, sont les modèles de pudeur en comparaison de ces danseuses égyptiennes.

Savary, *voyage en Egypte.*

Страница 26.

То Персіи Линъ, былъ пѣвецъ Алмозаръ.

Торж. Поэзи. *Кн.* I.

Линъ извѣстный въ древности лирическій поэтъ; едва ли не первый изобрѣвшій лиру; покрайней мѣрѣ еще довременнѣе Орфея.

Страница 38.

Онъ уснулъ, онъ мой приходъ
Счёлъ зарёю, что проснулась.

Изъ Ант. Арабской. *Кн.* I.

У Аравитянъ приучаютъ собакъ спать днемъ, чтобъ лучше бодрствовали ночью; впрочемъ водится сіе и у насъ на Руси во многихъ мѣстахъ, у хорошихъ хозяевъ.

Страница 84.

» Проснитесь люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила.
Проснитеся! молитвы часъ!

Ночной Сторожъ. *Кн.* III.

Съ 1616 года были во Франціи, въ городѣ Дуэ (Douai) учреждены такъ называемые *ночные крикуны* или сторожа̀ (crieurs de nuit); ихъ было по одному въ каждомъ изъ шести приходовъ сего города. Они начинали свой обходъ съ 11-ти часовъ вечера, и возвѣщали о себѣ сначала звономъ колокола, который носили съ собою, а потомъ слѣдующимъ окликомъ:

» Eveillez-vous, gens qui dormez,
Priez Dieu pour les trépassés. «

21 Сентября 1792 года, въ уваженіе просьбы всего города, мѣстное начальство положило конецъ сему безпокойному обычаю. —

Страница 129.

Ахъ! то Герминіи пѣвецъ,
То Тассъ, то Геній....

Тассъ. *Кн.* IV.

Кто непосвящалъ минутъ вдохновенья пѣвцу Іерусалима?... принёсъ и я, — хоть слабую дань: не цвѣтокъ а былинку памяти сего Страдальца-Генія. Сихъ нѣсколько стиховъ внушены мнѣ надписью, которая на мраморной доскѣ находится прибитою надъ дверьми темницы Тасса, въ больницѣ Св. Анны, въ Феррарѣ:

Rispettate, o posteri,
La celebrità di questa stanza
dove
Torquato Tasso,
Infermo più di tristezza che delirio;
ditenuto dimorò anni VII, mesi II.
Scrisse versi e prose,
E fu rimesso in libertà,
Ad instanza della cità di Bergamo,
Nel giorno VI Luglio MDLXXXVI.

Страница 134.

Какъ высока мысль древнихъ Персіянъ —
На высотахъ свои престолы ставить!

Леманъ. *Кн.* IV.

Не въ храмѣ, но на горѣ божественный основатель Христіанской Вѣры преподавалъ свое прекраснѣйшее и трогательнѣйшее ученіе.

Видимъ также примѣры и человѣческаго краснорѣчія: не въ стѣнахъ произносимы были блистательныя рѣчи. Демосѳенъ говорилъ предъ цѣлымъ народомъ и въ многолюдныхъ совѣщаніяхъ; Цицеронъ на открытой площади, съ высокой *ростры*, убѣждалъ своимъ даромъ слова. Сіе обстоятельство должно было имѣть сильное вліяніе на дѣйствія, производимыя сими Витіями надъ слушателями и самими ими.

Страница 135.

Гроза сливаетъ ужасъ свой суровый
Съ ужасною всемірной ночи тьмой.

(*тамъ же*).

Гроза, здѣсь описанная, была, говоритъ Байронъ, 13 Іюля 1816 года въ самую полночь, въ горахъ Акрокеравніи. Будучи свидѣтелемъ подобной и на Леманѣ, онъ воспользовался видѣнною имъ на Востокѣ; ибо признается онъ, что хоть много видѣлъ ужаснѣе, ни одной не было *прекраснѣе* той грозы.

Страница 138.

О сколько вдругъ предметовъ для мечтанья
Моимъ очамъ недвижнымъ предстоитъ.

(*тамъ же*).

» Не возможно видѣть Кларанъ и всѣ мѣста, его окружающія: Веве, Шильонъ, Бореретъ, Сен-Джинго, Мельери, Еріанъ, и Рону, чтобъ не признаться, что дѣйствительно сіи мѣстоположенія были весьма достойны лицъ выведенныхъ на сцену Ж. Жакомъ Руссо. — Но еще это не всё: впечатлѣніе производимое на зрителя всѣми окрестностями Кларана, и утесами Мельери, гораздо возвышеннѣе сочувствія къ страсти отдѣльной (individuelle), воспоминаніе коей сливается, такъ сказать, съ ними; это созерцаніе любви во всемъ, что можетъ она явить великаго и высокаго! мы участвуемъ въ ея славѣ и благости. Великое начало вселенной сжато въ семъ мѣстѣ, но не менѣе того оно здѣсь видимо. Мы забываемъ на миръ индивидуальность, насъ отъ него отдѣляющую, дабы вполнѣ наслаждаться красотами всего видимаго нами. «

Л. Байронъ. *Прим. къ III пѣсни Чальдъ-Гарольда.*

Страница 94.

Желѣзный скиптръ, коса временъ,
Крушатся о твои каменья,

Пріютъ искуствъ и поклоненья,
О гордость Рима, Пантеонъ!

Пантеонъ. *Кн.* IV.

» Enfin, nous sommes au Panthéon, le plus noble débris de Rome payenne, le seul temple de cette ville qui soit encore debout et dans son entier. L'honneur de cette construction magnifique appartient au gendre d'Auguste, cet immortel Agrippa, dont le nom se rattache à tous les embellissemens de la capitale du monde. «

Constant Taillard. *Les voyageurs en Italie.*

Страница 96.

Вотъ украшеніемъ вѣковымъ
Стоятъ мужей безсмертныхъ лики!

(*тамъ же*).

» Пантеонъ уставленъ нынѣ статуями великихъ людей, или лучше сказать — Римлянъ, отличившихся въ новѣйшія времена. Свѣтъ, который, проходя въ округлое отверзстіе на вершинѣ купола, падалъ нѣкогда на все сборище боговъ и богинь, освѣщаетъ нынѣ многочисленную коллекцію смертныхъ, изъ коихъ одинъ-два были почти обоготворены поклоненіемъ соотечественниковъ. « —

Л. Байронъ. *Примѣч. къ* IV *Кн.*

ОПЕЧАТКИ.

✲

Стр.	*стр.*	*напечатано*	*читай:*
7	3	j'amais	jamais
10	14	То на	То на
19	13	на парпурныхъ	на пурпурныхъ
23	3	bienfait	bienfait
27	16	Для битвъ дтя	Для битвъ, для
29	2	Іюды	Іуды
—	17	востотныхъ	восточныхъ
31	3	кристальныии	кристальными
38	1	милой;	милой:
49	3	смѣлѣй,	смѣлый
58	5	И ты о дѣва,	И ты, о дѣва,
67	8	о прямо	о, прямо
73	3	погребѣно!	погребено!
74	11	зѣнницѣ,	зѣницѣ,
98	14	здѣсь мнится	здѣсь, мнится,
110	6	съ дали?	въ дали?
111	1	картины	куртины
113	12	пламенно любя	пламенно любя,

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept. — Oct. 1987
We're Quality Bound

